

IX. Раздробленіе Греціи и объединеніе Сициліи.

Разореніе и социальный разладъ въ Греціи. Великія историческія катастрофы никогда не разрываютъ эпохъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Многіе годы еще по инерціи бьются поколѣнія людей за цѣли и принципы, давно и безнадежно опрокинутые. Въ человѣческомъ существѣ, видимо, заложены какіе-то запасы физической и моральной энергіи, которые сказываются еще долго послѣ того, какъ исчезла направляющая ее сила.

Такъ было въ Греціи послѣ разрушительнаго междуособія Пелопоннесской войны. Миръ 404 года не сломилъ окончательно суровыхъ бойцовъ трагическаго конца эпохи. Еще на 15 лѣтъ растягивается какъ бы эпилогъ Пелопоннесской войны: снова возгораются ея жестокія страсти, обостряются ея непримиримыя противоположности, опять споръ за гегемонію, и даже, для довершенія иллюзіи, въ борьбѣ выступаютъ живые представители, обломки великой эпохи, Лисандръ, Орасибуль, Кононъ. Опять передъ воображеніемъ афинянь носитса мечта Алкивиада о возрожденіи державы при помощи персидскаго золота. Опять начинается шумѣть требовательная демократія, добивается снова системы раздачь, опять проявляетъ религіозную нетерпимость и осуждаетъ на смерть изъ-за вопросовъ вѣры одного изъ даровитѣйшихъ сыновъ своихъ, софиста Сократа. Но уже чувствуется, что жизнь готова покинуть эти ослабѣвшіе организмы, работающіе силой укоренившихся привычекъ, еще не сознавшіе внутренняго переворота, отъ котораго они разрушаются. Въ интересахъ и понятіяхъ общества тѣмъ временемъ происходитъ глубокая перемѣна.

Всюду, гдѣ прошла война,—а она не пощадила почти ни одного уголка Греціи—разорились земледѣльцы, садоводы, виноградари, оливководы; самыя цвѣтуція, самыя производительныя области, какъ, напр., Хіосъ, Аттика, Мессенія, особенно пострадали и, можетъ быть, никогда уже больше не смогли подняться на прежнюю высоту. Въ Атикѣ, кажется, въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто разрушенныхъ садовъ и плантацій,

которые создавались прилежной работой ряда поколѣній, появилось лѣнливое, довольно первобытное скотоводческое хозяйство. Въ сильной мѣрѣ разстроилось и ремесло, во-первыхъ, отъ гибели мастеровъ въ ополченіяхъ, затѣмъ отъ бѣгства рабовъ, служившихъ рабочими въ мастерскихъ, при чемъ для привоза и найма новаго персонала предприниматели уже не имѣли средствъ. Мы узнаемъ изъ «Воспоминаній» Ксенофонта, что въ Атикѣ накопилось чрезвычайно много людей свободнаго происхожденія, потерявшихъ всякія средства существованія и часто не умѣвшихъ найти себѣ заработка. Въ особенности замѣтно было обиліе женщинъ, вдовъ и сиротъ, непривычныхъ ни къ какой работѣ. Одинъ изъ друзей Сократа жалуется горько, что у него въ домѣ столпотвореніе и вѣчные скандалы отъ наплыва родственницъ, сестеръ, племянницъ и свояченицъ, воспитанныхъ по-благородному и неспособныхъ ничѣмъ заняться. Сократъ даетъ ему практической совѣтъ посадить всю эту ворчливую и неугомонную компанію за ручныя ремесла и обратить свой домъ въ мастерскую кустарнаго производства ¹. Вѣроятно, такой возвратъ отъ фабричной системы къ домашней индустріи былъ очень замѣтнымъ явленіемъ эпохи.

Говоря очень обще, пострадали болѣе всего зажиточные средніе классы, самостоятельные мелкіе хозяева, сельскіе и городскіе. Въ обществѣ образовался глубокой провалъ между обладателями капитала и массой пролетаріевъ всякаго типа, начиная отъ интеллигентныхъ профессій и до чернорабочихъ. Въ «Воспоминаніяхъ» Ксенофонта есть слѣдующій выразительный разговоръ: «Что такое демось?»—спрашиваетъ Сократъ одного изъ учениковъ.—«Демось, это—бѣднота!»—отвѣчаетъ тотъ безъ колебанія ². Экономистъ можетъ сказать, что въ Греціи двинулось впередъ капиталистическое развитіе, такъ какъ натуральныя поставки и службы, преобладавшія въ V вѣкѣ, замѣнились денежными. Историкъ долженъ будетъ, однако, предостеречь его отъ оптического обмана: вѣдь усиленіе денежнаго хозяйства въ данномъ случаѣ нисколько не означало прибавленія богатства, а, напротивъ, было показателемъ оскуднѣнія. Деньги остались единственнымъ видомъ имущества, который можно было укрыть при контрибуціяхъ, реквизиціяхъ и взаимныхъ грабежахъ, характеризующихъ особенно конецъ большого греческаго междоусобія. Общее количество капитала въ Греціи пошло на убыль, и убыль жесточайшую: увеличились только запасы золота и серебра въ сундукахъ, во вкладахъ и сбереженіяхъ. Увеличилось число трапезитовъ, т.-е. банкировъ и ростовщиковъ.

Картина финансоваго разоренія Греціи станетъ еще рѣзче, если вспомнить, откуда взялись суммы, вращавшіяся въ греческихъ кантонахъ съ конца V-го вѣка. Это было преимущественно персидское золото. На

персидскія деньги сооружались флоты Спарты, Сиракузь и малоазійскихъ грековъ въ войнѣ противъ Аѳинъ; потомъ, когда произошелъ разрывъ со Спартой, персы открыли кредитъ ей противникамъ. Персы содержали на своей службѣ греческихъ наемниковъ, а потомъ платили за право вербовки солдатъ на греческой территоріи. Въ самой гордой Спартѣ, получившей, наконецъ, гегемонію надъ всѣми греками, очень скоро исчезъ всякій стыдъ передъ позаймствованіемъ царскихъ денегъ. Лисандръ, по окончаніи похода, привезъ, кромѣ контрибуцій съ покоренныхъ городовъ, еще остатокъ отъ жалованья, выданнаго Киромъ на содержаніе войска; сумму эту, подлежащую въ сущности выдачѣ назадъ, спокойно взяли себѣ спартанскіе политики, сидѣвшіе дома, и такое полученіе казалось чѣмъ-то совершенно естественнымъ³. Половина Греціи перешла на пенсіи и жалованье отъ персидской державы. Послѣ смѣлаго и самоувѣреннаго подъема національной самостоятельности, длившагося менѣе 70 лѣтъ, греки обратились въ денежныхъ кліентовъ великаго царя и его сатраповъ. Незизбѣжнымъ результатомъ этой зависимости было раздробленіе Греціи и уступка восточной державѣ греческихъ городовъ малоазійскаго берега. Чужой восточный капиталъ, развѣ вторгнувшись въ обезсиленную, истощенную, обѣднѣвшую Грецію, продолжалъ и дальше свое разрушительное дѣйствіе. Ни одна сколько-нибудь крупная военная экспедиція, ни одинъ походъ IV вѣка уже не могли осуществиться безъ займа у персовъ. Даже въ отдаленной Сициліи появляются въ борьбѣ партій персидскія деньги. Глава сиракузскихъ консерваторовъ, Гермократь, въ свое время организаторъ борьбы противъ аѳинянъ, долженъ былъ потомъ бѣжать изъ Сиракузь отъ восторжествовавшей тамъ демократіи. Онъ побывалъ въ Малой Азіи, запасся отъ сатрапа Фарнабаза субсидіей и вернулся съ нею домой; деньги предназначались какъ будто бы для организаціи военной защиты противъ новаго внѣшняго врага, надвигавшихся съ запада каррагенянъ, но также и для борьбы съ политическими противниками Гермократа.

Притокъ чужого богатства рѣзко отразился на социальномъ и политическомъ строеніи Греціи. Суммы, предназначенныя для займовъ и подкуповъ, естественно направлялись въ распоряженіе немногихъ политиковъ, захватившихъ власть, или въ замкнутые клубы, руководившіе дѣлами. Ни въ Спартѣ, ни въ малоазійскихъ общинахъ, которыя къ ней примкнули, никто не контролировалъ полученій, и никто не слѣдилъ за распредѣленіемъ поступающихъ суммъ. Организаторы союза съ персами, дипломаты и члены тѣсныхъ правительственныхъ совѣтовъ получали депозитъ и безъ затрудненія становились какъ бы директорами-распорядителями вновь образовавшагося фонда, превращались въ банкирскую компанію. Вся община поневолѣ втягивалась въ ихъ кліен-

туру. Съ одной стороны, къ нимъ должны были обращаться всё тѣ, кто искалъ выгоды отъ новой службы въ интересахъ персовъ; съ другой— къ нимъ вынуждены были примыкать люди, желавшіе спасти свое достоиніе; приходилось нести свои сбереженія все туда же и укрѣплять водворившуюся въ общинѣ денежную фирму. Въ этомъ простомъ, но неустрашимомъ фактѣ заключалась тайна успѣха олигархій, которыя всюду вырастали, какъ грибы, по мановенію Лисандра. Въ каждомъ изъ организованныхъ имъ городовъ создавался сразу благодаря персидской субсидіи, любезно устроенной спартанскимъ посредничествомъ, банкирскій домъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ захватывалъ въ свои руки всё политическія дѣла. Болѣе всего хлопотали вновь сѣвшіе у власти олигархи объ устраненіи всякой публичности, слѣд., не только объ уничтоженіи народныхъ собраній, но также о закрытіи сколько-нибудь численныхъ по составу думъ и совѣтовъ. По этой элементарной программѣ была также построена дѣятельность знаменитыхъ Тридцати въ Афинахъ.

Чѣмъ прочіе утверждалась на мѣстѣ маленькая кучка денежной олигархіи, тѣмъ болѣе непостояннымъ элементомъ становился многочисленный пролетаріатъ, образовавшійся изъ людей, согнанныхъ съ земли, лишенныхъ привычнаго заработка въ ремеслѣ, такъ или иначе разстроенныхъ войной. Масса бездомнаго незанятаго люда эмигрируетъ, многіе ищутъ спасенія въ томъ самомъ элементѣ, который ихъ загубилъ, въ войнѣ, изъ невольныхъ ополченцевъ обращаются въ волонтеровъ-наемниковъ. Для этой группы воинственныхъ эмигрантовъ безразлично мѣсто службы и назначеніе ея; они готовы идти къ великому царю и его намѣстникамъ, но готовы также участвовать въ возстаніяхъ противъ царя. Если въ самой Греціи поднимается междоусобіе, они выбираютъ ту сторону, которая хорошо оплачиваетъ услуги; придется ли биться за демократію или за олигархію, это въ IV вѣкѣ кажется безразличнымъ; политическіе принципы не одушевляютъ болѣе людей.

Масса пролетаріевъ, остающихся дома, образуетъ собою какъ бы непрерывно угрожающую революцію. Въ тѣсной обстановкѣ греческихъ общинъ, гдѣ всё въ лицо знаютъ другъ друга, гдѣ случайное обогащеніе какого-либо обывателя вызываетъ у сосѣда необыкновенно острое раздраженіе, страсти кипятъ и клокочутъ, какъ въ котлѣ, и борьба классовъ принимаетъ самыя ожесточенныя формы. Если низшему классу удастся взять верхъ, то компромиссамъ нѣтъ мѣста; происходитъ рѣзня, грабительскій захватъ капитала и дѣлежъ добычи, какъ послѣ набѣга разбойниковъ.

Соціальныя ученія IV вѣка. Среди пролетаріевъ много интеллигентныхъ людей софистической и риторической выучки. Они стараются придать движенію идейный характеръ: во имя справедливости они тре-

бують равенства и коммунизма, громятъ эгоизм капиталистовъ, вооружаютъ революціонную массу воззваніями и программами. Коммунистическое ученіе, въ качествѣ требованія естественнаго права и формулы высшей моральной правды, пріобрѣтаетъ большую популярность и особенно увлекаетъ женщинъ, въ средѣ которыхъ, какъ мы видѣли, появилось много безсемейныхъ и безработныхъ, главнымъ образомъ, вълѣдствіе упадка мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствъ.

Противъ революціонныхъ ученій высшіе классы выставляютъ совершенно откровенно теорію деспотическаго государства, до тѣхъ поръ въ Греціи неслыханную. По мнѣнію такихъ политическихъ мыслителей, какъ Ксенофонтъ и Платонъ, не можетъ быть и рѣчи не только о правленіи массы, но и вообще о какомъ-либо участіи народа въ политикѣ. Человѣческое стадо, согласно ихъ ученію, нуждается въ пастухахъ и погонщикахъ, будучи же предоставлено само себѣ, оно погибнетъ въ дикомъ взаимномъ истребленіи. Власть должна быть въ рукахъ немногихъ просвѣщенныхъ лицъ или даже одного лица съ неограниченнымъ авторитетомъ. Управление должно стоять совершенно внѣ свободнаго обсужденія; оно сводится къ дисциплинѣ и командѣ; приказы властителей исполняются безпрекословно, орудіями власти служатъ обученные, специально подготовленные чиновники.

Между двумя крайностями, революціонной теоріей и крѣпостнической, стоитъ третья группа воззрѣній, одинаково чуждыхъ той и другой, которыя можно назвать мирно-анархическими. Въ Греціи всѣ ступени культурнаго развитія достигаются съ нервическою быстротой. Послѣ живого горячаго интереса къ политическимъ вопросамъ, который такъ ярко чувствуется въ литературѣ V вѣка, у Геродота, Фукидида, Эврипида, Аристофана, наступаетъ въ широкихъ кругахъ греческаго общества бѣгство отъ политики, разочарованіе въ ней или даже полное презрѣніе къ ея проблемамъ. Анархизмъ катится все дальше и дальше: появляются киники, сектанты монашескаго типа, доводящіе свой протестъ противъ всякаго вида хозяйственной дѣятельности, всякаго производительнаго труда до аскетизма, добровольной бѣдности и отказа отъ личной и общественной жизни.

Революціонныя, реакціонныя и анархическія ученія—показатели того, что жизнь греческихъ общинъ, еще недавно такая интенсивная, полная сосредоточенной и гибкой энергіи, начинаетъ разлаживаться, идти вразбродъ. Всего ярче намѣченныя явленія сказались въ Афинахъ, которыя въ послѣднюю четверть V вѣка успѣли сдѣлаться настоящимъ нервнымъ узломъ греческаго міра.

Второй олигархическій переворотъ въ Афинахъ. Капитуляція Афинъ и миръ со Спартой были вмѣстѣ съ тѣмъ низверженіемъ демократіи.

Спартанцы считались во время переговоров о мирѣ и при сдачѣ города только съ Θераменомъ и членами клубовъ. Правда, Спарта не вмѣшивалась прямо въ дѣла внутренняго устройства, но она совершенно ясно игнорировала одну сторону, демократовъ, и въ случаѣ нужды готова была поддержать другую сторону, реакціонеровъ. Побѣжденная вдвойнѣ демократическая партія очень хорошо понимала положеніе. Нѣкоторые изъ ея искреннихъ приверженцевъ, преимущественно военные люди, для которыхъ миръ означалъ конецъ ихъ карьеры, пытались организовать оппозицію противъ заключенія мирнаго договора, сознавая, что срытіе Длинныхъ стѣнъ и укрѣпленій Пирея приведетъ къ разрушенію народнаго правленія. Но клубы, чувствуя себя силой въ виду близости спартанцевъ, воспользовались доносомъ нѣкоего Агората, обвинявшаго демократическихъ стратеговъ и таксіарховъ въ составленіи измѣническаго заговора, и добились казни обвиняемыхъ ⁴. Другіе демократы, между ними Анить, будущій обвинитель Сократа, и Θрасибулъ, славный соратникъ Алкивіада, предпочли бѣжать изъ Аттики. Большинство бѣглецовъ нашло себѣ пріютъ въ Эивахъ.

При заключеніи мира реакціонные клубы предложили выдѣлить изъ своей среды временную распорядительную комиссію 5 эфоровъ; и цифра и названіе ясно указываютъ на ихъ лаконофильство: изъ ихъ устъ постоянно слышалась похвала спартанской конституціи, какъ наилучшей въ свѣтѣ. Въ составѣ комиссіи былъ вернувшійся изъ изгнанія Критій, сравнительно молодой человекъ изъ кружка сократовцевъ, даровитый и вполне безсовѣстный агитаторъ. Еще недавно онъ, будучи эмигрантомъ, пытался организовать въ Θессалии демократическую революцію и вооружить съ этой цѣлью мѣстныхъ крѣпостныхъ (пенестовъ). Въ Афинахъ онъ сразу заявилъ себя непримиримымъ олигархомъ.

Эфоры 404 г. напоминаютъ пробуловъ 413 г., подготовившихъ первый олигархическій переворотъ. И въ дальѣйшемъ ходѣ событій повторяется во многихъ чертахъ. Олигархи и теперь, какъ за 7 лѣтъ до того, хотѣли укрѣпить свое положеніе санкціей народа, хотя бы фиктивной. Какъ тогда, и теперь народное собраніе было созвано въ Колонаѣ на окраинѣ города; между тѣмъ какъ въ 411 г. народъ заставили голосовать въ виду спартанскаго войска, стоявшаго лагеремъ подъ стѣнами, теперь эkklesia находилась подъ еще болѣе непосредственнымъ давленіемъ спартанцевъ. Реакціонеры пригласили въ Афины Лисандра, осаждавшаго въ это время Самось, послѣдній остатокъ великаго морскаго союза. Лишь въ присутствіи грознаго главнокомандующаго рѣшились они обратиться къ народу. Собраніе открылось предложеніемъ Драконтида избрать комитетъ 30 *συγγραφεῖς* съ неограниченными законодательными полномочіями для пересмотра конституціи. Тотъ же комитетъ

долженъ былъ получить въ свои руки временное правленіе и назначить новыхъ должностныхъ лицъ. Несмотря на мѣры устрашенія, которыя были приняты клубами, въ собраніи поднялся протестъ. Тогда Лисандръ, присутствовавшій при дебатахъ, объявилъ, что будетъ разсматривать всякую проволочку въ рѣшеніи какъ нарушеніе условій мирнаго договора, потому что аѳиняне еще не исполнили требуемаго разрушенія стѣнъ. Часть гражданъ ушла изъ собранія, оставшіеся согласились принять предложеніе Драконтида. Затѣмъ былъ составленъ комитетъ Тридцати тѣмъ своеобразнымъ способомъ, который ввели олигархическіе клубы. Только 10 человекъ намѣтило само собраніе изъ присутствующихъ; другихъ 10 предложили эфоры и еще 10—устроитель мира со Спартой, Өерамень.

Въ составъ комитета «законодателей» вошли: авторъ предложенія Драконтидъ, затѣмъ самъ Өерамень, изъ комиссіи эфоровъ Критій и Эратосѳенъ. Хотя въ свое время реакціонеры очень много говорили о возстановленіи стариннаго патріархальнаго строя (*πάτριος πολιτεία*), но чрезвычайный комитетъ и не думалъ заниматься пересмотромъ конституціи. Олигархи считали политическій переворотъ поконченнымъ. Тридцать составили по своему усмотрѣнію списокъ полноправныхъ гражданъ, всего въ 1.000 человекъ. Изъ этой тысячи они отобрали составъ новаго совѣта 500 и назначили должностныхъ лицъ. Аѳинская гавань Пирей, извѣстная своимъ демократическимъ духомъ, была выдѣлена въ особый отъ Аѳинъ административный округъ и подчинена надзору специальной комиссіи 10. Какъ будто бы въ видѣ грандіозной иллюстраціи разрыва новыхъ Аѳинъ съ прошлымъ морской демократіи, рѣшили разрушить корабельныя верфи Пирея; ихъ отдали на сломъ за 3 таланта, тогда какъ ихъ сооруженіе въ свое время обошлось въ 1.000 талантовъ. Уничтожили народные суды, наиболѣе активное и характерное учрежденіе демократіи, и предоставили судъ совѣту 500.

Правленіе Тридцати. Въ сущности была вовсе отмѣнена всякая конституція. Началась неограниченная тираннія комитета олигархическихъ клубовъ, который для символическаго и реального увѣнчанія своей власти окружилъ себя стражей изъ 300 полицейскихъ, вооруженныхъ нагайками. Водворился самый злой терроръ, среди котораго исчезло всякое подобіе неприкосновенности личности и собственности. Пошли массовые аресты и казни безъ суда, за ними слѣдовало отобраніе имущества казенныхъ. Безпощадныя конфискаціи производились также у опальныхъ, которымъ удавалось бѣжать отъ расправы. Въ началѣ могло казаться, что это мечь вырвавшихся на свободу, до тѣхъ поръ скрытыхъ враговъ демократіи, ненависть эмигрантовъ, которымъ удалось сѣсть у власти: Тридцать первымъ дѣломъ арестовали и каз-

нили сикофантовъ, т.-е. частныхъ обвинителей и доносчиковъ, которые въ свое время на службѣ демократіи разыскивали клубистовъ и заговорщиковъ. Но крайне скоро за политической будто бы горячностью обнаружилось очень прозаичные и коммерческіе расчеты: стали казнить людей совершенно безразличныхъ и нейтральныхъ, но зато послѣдовательно выбирали очень богатыхъ; среди нихъ, напр., былъ схваченъ Никератъ, сынъ Никія, погибшаго въ Сициліи, изъ семьи, державшейся всегда самыхъ умѣренныхъ воззрѣній, но въ то же время принадлежавшей къ числу наиболѣе крупныхъ капиталистовъ въ Аѳинахъ. Казни были явно приспособлены къ финансовой системѣ, и Критій не постѣнился обозначить свою политику настоящими словами: «мы хотимъ составить себѣ капиталъ (πλεονεκτητέον)» ⁵.

Новый ростовщическій банкъ Тридцати, работавшій примитивными приѣмами обыкновенныхъ разбойниковъ, не чувствовалъ себя, однако, въ безопасности безъ посторонней поддержки. Опять обратились къ любезности Лисандра, и онъ поддержалъ своихъ друзей: выхлопоталъ для нихъ назначеніе спартанскаго гармоста, т.-е. намѣстника, въ лицѣ Каллибія и присылку гарнизона изъ пелопоннесцевъ. Опираясь на эту помощь, олигархи стали очищать городъ отъ лишнихъ, по ихъ мнѣнію, элементовъ. Критій съ обычной ловкостью придумалъ аргументы въ оправданіе новой политики умаленія и сокращенія великой аѳинской общины ⁶. «Вездѣ, гдѣ происходятъ революціи,—говорилъ онъ—гибнетъ масса народа. Но нигдѣ новое правительство не могло бы встрѣтить столько враговъ себѣ, какъ въ самомъ населенномъ городѣ Греціи, и притомъ въ городѣ, гдѣ демось привыкъ за долгое время пользоваться неограниченной свободой. Мы должны расправиться съ многочисленными сторонниками демократіи не только изъ-за нашихъ кровныхъ интересовъ, но и въ благодарность спартамцамъ за ихъ помощь, потому что именно они спасли насъ отъ демоса, а они хорошо знаютъ, что демось никогда не будетъ имъ другомъ. Мы произвели переворотъ въ полномъ согласіи со взглядами спартанцевъ». Однако поддержка Спарты обходилась правительству Тридцати слишкомъ дорого. Гарнизонъ, присланный изъ Пелопоннеса, съѣдалъ немалыя суммы тѣмъ болѣе, что олигархи должны были за нимъ очень ухаживать. Такъ какъ съ гражданъ взяли все, что только было возможно, была придумана новая мѣра ограбленія: каждый изъ членовъ правительства долженъ былъ взять на свою долю группу мегойковъ и такъ или иначе обобрать ихъ.

Вдохновляемая главнымъ образомъ Критіемъ, террористически-коммерческая политика продолжалась недолго. Отовсюду поднимались враги крайнихъ олигарховъ. Старый боецъ Пелопоннеской войны, неутомимый Эрасибулъ, тронулся изъ Фивъ съ маленькимъ отрядомъ въ 70 чело-

вѣкъ, и эта дружина демократовъ заняла пограничную крѣпость Аттики, Филу. Внутри самихъ Аѳинъ начиналось движеніе зажиточныхъ, всадниковъ и гоплитовъ. Въ этомъ отношеніи отчасти повторились событія 411 года. Демократію удалось опрокинуть исключительно благодаря соединенію крайнихъ олигарховъ съ умѣренными средними элементами. Но союзъ двухъ партій могъ удержаться лишь на одинъ моментъ. Средніе слои желали только отмѣны раздачъ и ограниченія всеобщаго избирательнаго права. Они добивались ценза, предполагая сохранить конституціонныя учрежденія, контролируемыя должности, публичность дебатовъ и т. д. Замкнутое правленіе тиранническаго банкирскаго дома было имъ такъ же ненавистно, какъ демократамъ. Они съ искреннимъ убѣжденіемъ выбирали комитетъ для выработки патріархальнаго строя, а въ число важнѣйшихъ обязанностей «законодателей» относили составленіе списка полноправныхъ гражданъ. Въ 411 году такой списокъ заключалъ въ себѣ 5.000 человекъ; теперь умѣренные могли ожидать заполненія списка приблизительно въ томъ же количествѣ, или развѣ только немного менѣе.

Въ лицѣ Терамена выступилъ защитникъ интересовъ умѣреннаго гражданства среди самого правительства 30. Тераменъ велъ свою линію политики такъ же, какъ въ 411 году. Вначалѣ вѣрный союзникъ клубовъ, онъ разошелся съ коллегами послѣ того, какъ была одержана побѣда. Такъ же, какъ въ 411 году, онъ потребовалъ введенія настоящей конституціи ценза. Умѣренные были и теперь сильнѣе и многочисленнѣе крайнихъ, но ихъ организація была хуже и личное положеніе Терамена гораздо болѣе шатко, чѣмъ за 7 лѣтъ до того. Сначала Критій и его сторонники сдѣлали уступку и согласились расширить свой списокъ 1.000 гражданъ до 3.000. Тераменъ сталъ возражать противъ этой цифры, какъ слишкомъ малой, и вообще противъ численнаго ограниченія полноправнаго гражданства: по его мнѣнію, въ составъ активныхъ гражданъ должны войти все люди, удовлетворяющіе цензу. Для того, чтобы подкрѣпить свои требованія, онъ угрожалъ возможностью союза своей партіи съ такими видными эмигрантами, какъ Алкивиадъ, Трасибулъ, Анить. Эти угрозы заставили Критія, еще недавно дружившаго съ Тераменомъ, дѣйствовать рѣшительно и безъ промедленія. У всехъ гражданъ, кромѣ трехъ тысячъ, намѣченныхъ изъ числа ярыхъ клубистовъ, было отобрано оружіе; Тераменъ не имѣлъ теперь той поддержки организованной гоплитской дружины, которая дала ему возможность опрокинуть въ 411 г. правительство Четырехсотъ. Критій и его единомышленники захватили Терамена врасплохъ въ совѣтѣ 500. Клубы командировали въ засѣданіе золотую молодежь, вооруженную кинжалами; подъ этимъ давленіемъ совѣтъ принялъ два

предложенія Критія, направленные противъ Эерамена: передать Тридцати неограниченную власть надъ жизнью и смертью всѣхъ обывателей, не принадлежащихъ къ списку 3.000, и одновременно выключить изъ этого списка тѣхъ, кто въ 411 году противодѣйствовалъ правительству 400. Примѣняя тутъ же на мѣстѣ оба постановленія, Критій потребовалъ немедленнаго ареста и казни Эерамена.

Паденіе олигархическаго правительства и столкновение трехъ партій. Крайніе олигархи, повидимому, слишкомъ разсчитывали на Лисандра, но не приняли во вниманіе сильной оппозиціи его политикѣ въ самой Спартѣ. Между тѣмъ натискъ демократовъ развивался неудержимо. Олигархи сдѣлали попытку выбить Эрасибула изъ его позиціи въ Филѣ, но потерпѣли неудачу; послѣ этого дружина демократическаго вождя стала быстро увеличиваться. Эрасибулъ разбилъ конницу и отрядъ спартанцевъ, вышедшіе изъ Аѳинъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ и складомъ оружія, прошелъ въ Пирей, захватилъ гавань и отрѣзалъ Аѳины отъ моря. Въ новой неудачной атакѣ противъ демократовъ погибъ глава олигархіи Критій (весною 403 года). Положеніе Тридцати пошатнулось: они рѣшили уйти изъ Аѳинъ и для отступленія выбрали Элевсинъ и о. Саламинъ. Чтобы очистить себѣ мѣсто въ новой территоріи, имъ пришлось начать съ террора: всѣ, кто былъ имъ подозрителенъ, подверглись аресту и казни. Несмотря на то, что олигархи такъ усердно сокращали гражданство, противъ нихъ возсталъ очищенный ими составъ 3.000, образовалъ враждебную имъ экклесію и отрѣшилъ отъ власти комитетъ 30. Бывшіе олигархическіе правители, числомъ 25, вмѣстѣ со своими сторонниками ушли въ Элевсинъ, а на ихъ мѣсто Три тысячи выбрали новую комиссію 10, по одному отъ филы.

Получилось положеніе, необыкновенно характерное для соціальной борьбы въ греческихъ городахъ: три партіи раздѣлились по тремъ общинамъ, до извѣстной степени превратились въ три враждующія общины: крайніе олигархи засѣли въ Элевсинѣ, умѣренные, сторонники денза, держали въ своихъ рукахъ Аѳины, демократы, вѣрные прежнимъ принципамъ аѳинскаго строя, расположились въ Пиреѣ. Историкъ, разсказывающій о столкновенияхъ партій, приводитъ ихъ какъ бы официальные названія: люди въ главномъ городѣ (*οἱ ἐν ἄστει*), люди въ Пиреѣ (*οἱ ἐν Πειραιεῖ*)⁷. Такое разъединеніе стараго кантона на особья, специально замкнутыя общины наблюдается въ различныхъ мѣстахъ Греціи. Не задолго до того одна изъ іонійскихъ колоній въ Малой Азіи, Клазомены распалась на двѣ общины: демось занялъ, въ качествѣ новаго города, укрѣпленный островъ противъ берега; аристократія осталась въ старомъ городѣ на берегу; между ними происходили непрерывныя усобицы.

Самой неопредѣленной и колеблющейся изъ трехъ соціальныхъ пар-

тій была средняя, которая осталась въ Аѣинахъ. Новоизбранная комиссія 10, еще тянувшая къ олигархамъ, боялась демократовъ, занявшихъ Пирей, и обратилась за новой помощью къ Спартѣ. Но значительная часть гражданства, составлявшая его умѣренные элементы, хотѣла примиренія съ демократами; они свергли комиссію 10, замѣнили ее новыми Десятью и завязали съ людьми въ Пирей переговоры. Все зависѣло отъ рѣшенія и вмѣшательства Спарты, и аѣинянь спасло разногласіе спартанскихъ партій. Сначала Лисандръ, желая помочь своимъ друзьямъ, олигархамъ, настоялъ на томъ, чтобы его самого назначили гармономъ въ Аѣины и дали ему средства для найма солдатъ; Лисандръ требовалъ, чтобъ его брату дали команду надъ флотомъ, и собирался занять аѣинскую гавань и отрѣзать всякій подвозъ припасовъ. Атикѣ грозила новая голодовка, и снова казалась возможной окончательная катастрофа Аѣинъ. Въ этотъ моментъ выступилъ базилей Павсаній, смертельный врагъ Лисандра, и добился у эфоровъ отстраненія его отъ намѣстничества и сухопутной команды. Главное начальство надъ большимъ союзнымъ ополченіемъ, двинутымъ черезъ Истмъ, было поручено самому Павсанію. Прибывъ въ Аѣины, спартанскій базилей опредѣленно отказался отъ всякой экзекуціи и вообще отъ вмѣшательства въ усобицу; онъ занялъ между «людьми въ городѣ» и «людьми въ Пиреѣ» посредствующее положеніе. Той и другой сторонѣ было предложено отправить делегатовъ въ Спарту; въ свою очередь спартанцы прислали своихъ уполномоченныхъ, и при ихъ содѣйствіи былъ заключенъ миръ между враждующими партіями.

Хотя переговоры происходили между аѣинской и пирейской партіями, т.-е. между средней умѣренной группой гражданъ и демократіей, но въ заключительный трактатъ были введены также элевсинскіе олигархи, и даже взаимоотношенія между этими послѣдними, съ одной стороны, и возсоединенными аѣинянами и пирейцами, съ другой, составляютъ главную сущность договора. Мирный договоръ 403 года представляетъ крайне любопытную страницу греческаго права. Первое мѣсто въ немъ занимаютъ различныя очень детальныя частно-правовыя положенія, которыя должны были размежевать двѣ раздѣлившіяся общины, Элевсинъ и Аѣины. Сторонникамъ элевсинскихъ олигарховъ былъ предоставленъ извѣстный срокъ, въ теченіе котораго они могли уйти изъ Аѣинъ съ сохраненіемъ своего имущества; при соблюденіи опредѣленныхъ формальностей они могли пріобрѣсти новое имущество въ Элевсинѣ. Въ совмѣстномъ обладаніи обѣихъ общинъ было оставлено только старинное святилище Элевсина, связанное съ великими мистеріями, которыя ежегодно посѣщались всѣмъ аѣинскимъ гражданствомъ. Въ остальномъ обѣ общины были совершенно раздѣлены; каждая составляла

вполнѣ самостоятельную политическую единицу. Въ качествѣ автономныхъ кантоновъ и Аѣины, и Элевсинъ одинаково входили въ составъ Пелопоннесскаго союза, подъ гегемонію Спарты; та и другая сторона вносили самостоятельно свои доли.

Такъ расщепилась та община, которая гордилась своей давнишней сплоченностью и тѣсной объединенностью. Греческій партикуляризмъ, всегда и всюду сильный подъ давленіемъ природныхъ условій страны, теперь еще болѣе развился вслѣдствіе партійной и соціальной борьбы.

Реставрація демократіи. Мирный договоръ 403 года регулировалъ также отношенія внутри собственно аѣинской общины. Здѣсь надо было помирить гражданъ, оставшихся «въ городѣ», съ людьми, пришедшими «изъ Пирея». Для установленія соглашеній выбрали отъ каждой группы по 10 делегатовъ въ общую примирительную комиссію. Самое существенное условіе заключалось въ принятіи всеобщей и взаимной амнистіи. Было рѣшено, что никто не будетъ поднимать обвиненій и преслѣдовать по дѣламъ, совершеннымъ во время правленія 30 и во время междоусобной войны. Выключались только нѣкоторыя высшія должностныя лица, члены правительства 30, члены первой комиссіи 10, затѣмъ 10 администраторовъ Пирея, назначенныхъ реакціонерами, и еще комиссія 11 исполнителей смертныхъ приговоровъ. Но и выключенные отъ амнистіи могли рассчитывать на охрану личности въ случаѣ, если согласятся дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вообще предполагено было снять отчетъ со всѣхъ лицъ, занимавшихъ правительственныя должности въ Аѣинахъ и Пиреѣ за время междоусобія. При этомъ все еще соблюдалось раздѣленіе отнынѣ примиренныхъ двухъ группъ гражданства. Какъ деньги, занятыя той и другой стороною на военныя цѣли, оставались раздѣленными неконсолидированными долгами каждой изъ нихъ, такъ точно должностныя лица, выбранныя въ Пиреѣ демократіей, были обязаны отчетомъ не предъ всѣмъ народомъ, а только передъ возвратившейся изъ Пирея демократической партіей. Въ этихъ заботахъ о возстановленіи отчетности, въ этой процессуальной публично-судебной постановкѣ администраціи можно узнать характерную черту аѣинской демократіи V вѣка. Ни въ чемъ такъ ярко не отражалось правовое сознаніе и выдержка аѣинскаго народа, какъ въ обычаяхъ εἰθους, т.-е. постоянной провѣркѣ административныхъ дѣйствій публичнымъ судебнымъ допросомъ и публичной же оправдательной рѣчью. Аѣиняне какъ бы открывали теперь возстановленіе прежняго демократическаго режима большимъ судебнымъ процессомъ, сложнымъ обменомъ отчетностей.

Характерныя черты аѣинскаго политическаго строя съ добавленіемъ

опыта послѣднихъ лѣтъ сказались еще въ одномъ важномъ актѣ демократической реставраціи. Дѣятели примиренія были очень озабочены тѣмъ, чтобъ ввести политическую жизнь въ русло законѣрности. Они исходили отъ представленія о законѣ, какъ высшей силѣ, которая хотя создается народной волей; но стоитъ выше, чѣмъ отдѣльныя случайныя рѣшенія народа. Гарантію политической устойчивости они видѣли теперь въ письменной редакціи конституціи, и прежде всего въ записи основныхъ законовъ. Въ 403 году въ реставраціонное архонтство Эвклида были проведены по предложенію Тисамена слѣдующіе законы, заслуживающіе названія «основныхъ»⁸.

1. *Должностныя лица ни въ какомъ дѣлѣ не должны примѣнять иного закона, кромѣ писаннаго.*

2. *Никакое постановленіе совѣта или народа не должно становиться выше закона.* (Ἦφισιμα δὲ μηδὲν μήτε βουλῆς μήτε δήμου νόμου κυριώτερον εἶναι.) Или иначе: основные законы выше отдѣльныхъ рѣшеній народа.

3. *Воспрещается издавать какіе-либо исключительные законы, направленные противъ отдѣльныхъ лицъ; все рѣшенія о правахъ распространяются не иначе, какъ на всехъ гражданъ.* Къ этому закону—характерное ограниченіе: допускается традиціонное тайное голосованіе 6.000 гражданъ съ цѣлью ostracism. Здѣсь видна какая-то дань старинѣ; въ дѣйствительности, впрочемъ, сколько извѣстно, ostracismъ не примѣнялся послѣ 403 года.

4. *Опредѣляется, съ какого срока будутъ считаться въ силѣ законы и судебныя рѣшенія. Законы, начиная съ архонтства Эвклида, безъ обратнаго дѣйствія, безъ примѣненія ихъ къ дѣламъ и случаямъ предшествующей эпохи. Судебныя же рѣшенія старой демократіи сохраняютъ всю силу.* (Τὰς δὲ δίκας καὶ τὰς διαίτας κυρίας εἶναι, ὅποσαι ἐν δημοκρατουμένῃ τῇ πόλει ἐγένοντο.)

Въ приведенныхъ постановленіяхъ крайне любопытно отмѣтить прежде всего благоговѣйное отношеніе возстановителей демократіи къ ея великому прошлому, даже къ такому явно отжившему учрежденію, какъ ostracismъ. Но рядомъ съ этимъ видно настойчивое стремленіе избѣгнуть ошибокъ и увлеченій прежней демократіи, въ особенности поставить преграду поспѣшнымъ и противорѣчивымъ рѣшеніямъ народа. Насъ поражаетъ эта юридическая выдержка дѣятелей примиренія, особенно, если принять во вниманіе, что между ними не было выдающихся государственныхъ умовъ. Тѣмъ болѣе приходится оцѣнить значеніе политической школы старой демократіи, которая была способна выработать въ гражданствѣ такое тѣрное сознаніе права. Но, помимо воспитательнаго характера демократической практики, надо при-

знать также великую роль ученой теории и научного преподавания права, созданных Протагоромъ и другими софистами и нашедшихъ себѣ самую благодарную почву именно въ Аѳинахъ; не даромъ этихъ странствующихъ профессоровъ такъ тянуло въ столицу морской державы, несмотря на всѣ превратности судьбы и бури, которыя ихъ здѣсь ждали. Обыкновенно, когда говорятъ о вліяніи софистической школы на умы, то приводятъ примѣры такихъ высокоталантливыхъ разрушителей и нигилистовъ, какъ Алкивіадъ и Критій. Мы напомнимъ съ своей стороны дѣятелей реставраціи 403 г., радикала Анита, умѣренного Рипона, много поработавшихъ надъ дѣломъ примиренія партій, Тисамена, автора предложенія объ основныхъ законахъ, менѣе блестящихъ по дарованіямъ, но зато представляющихъ примѣры положительнаго воспитанія софистической академіи. Всего правильнѣе было бы о софистической школѣ судить такъ же, какъ о наукѣ всѣхъ временъ. Наука не отвѣчаетъ за всѣхъ, кто пользуется ея техникой, и не виновата въ злоупотребленіи ея орудіями: хирургическимъ ножомъ искусный операторъ спасаетъ жизнь человѣка, а злодѣй тѣмъ же ножомъ губитъ жизнь. Юридическая, діалектическая и риторическая техника, выдвинутая софистами, ихъ система идей и знаній составляла великій шагъ греческой культуры. Учителя не виноваты въ томъ, что нѣкоторые ученики ихъ бросились душить своихъ товарищей при помощи школьныхъ пособій.

Видоизмѣненіе демократической конституціи Аѳинъ не шло, однако, слишкомъ глубоко. Въ аѳинскомъ государствѣ выработались традиціи, которыя не могли быть сдвинуты, повидимому, никакими событіями. Демократія оживала въ той особой послѣдовательной и замкнутой формѣ, какъ она сложилась въ серединѣ V вѣка. Ни реакціонно-ограничительная, ни радикально-расширительная программа не могли добиться успѣха.

Въ качествѣ преемника Терамена и представителя бывшей «городской» партіи Формисій предложилъ ограничить активное избирательное право одними землевладѣльцами. Въ сущности это былъ проектъ «патріархальнаго строя», возвращеніе къ порядкамъ демократіи клисееновской, предшествовавшей образованію морской державы. Предложеніе Формисія, грозившее выключить отъ политическихъ правъ до 5.000 человѣкъ, около половины тогдашняго гражданства, не прошло въ народномъ собраніи. Но также не прошло и противоположное радикальное предложеніе Трасибула, которому принадлежала главная заслуга возстановленія демократіи. Трасибулъ настаивалъ на томъ, чтобъ расширили кругъ гражданства, принявши въ его составъ всѣхъ, кто съ демократами вмѣстѣ вернулся въ Аѳины изъ Пирея: многихъ рабовъ, метойковъ, а также незаконнорожденныхъ, каковыми считались проис-

шедшіе отъ неравныхъ браковъ, гражданъ съ неполноправными. Эта программа расширенія гражданства повторяла попытку, сдѣланную Фемистокломъ и Эфіальтомъ при первомъ натискѣ радикальной демократіи въ 70-хъ и 60-хъ годахъ V вѣка. Но такъ же, какъ тогда, и теперь, болѣе полувѣка спустя, при реставраціи демократіи, либеральная политика открытыхъ дверей республики, широкаго допущенія въ ея составъ новыхъ элементовъ вызвала протестъ. Фрасибулу возражалъ его же товарищъ по эмиграціи, одинъ изъ самыхъ горячихъ борцовъ за демократію, Аристофонтъ. Съ нимъ согласилось большинство гражданъ, не желавшее поступиться своими привилегіями. При первомъ требованіи радикаловъ борьба закончилась принятіемъ ограничительнаго закона 451 года. Теперь, послѣ реставраціи демократіи, рѣшено было вернуться къ прежнему строгому разбору въ составѣ гражданства и возстановить законъ Перикла.

Послѣ долгаго междоусобія, послѣ тяжелой катастрофы и общаго истощенія силъ, послѣ массовой потери людей аѳинская республика возстановилась во всей своей характерной индивидуальности со всѣми своими достоинствами и недостатками въ томъ же составѣ, въ тѣхъ же пропорціяхъ. Опять проводится послѣдовательно принципъ полного равенства въ средѣ гражданства, и опять оно замыкается въ видѣ привилегированной группы отъ остального населенія. Еще развѣ только одну черту можно прибавить къ соціальной картинѣ реставрированныхъ Аѳинъ. Городское общество послѣ войны омѣщанилось. Погибли многія старинныя фамиліи, выдававшіяся на службѣ государству, и въ IV вѣкѣ уже немного осталось представителей аѳинскаго нобилитета. Новые верхи общества, денежные магнаты, часто выскочки неизвѣстнаго званія, мало цѣнили знатность рода. Ксенофонтъ, который самъ ушелъ изъ плебейскихъ Аѳинъ, не безъ ироніи рассказываетъ, какъ новые правители Аѳинъ охотно отослали спартанцамъ на службу въ Азію отряды аѳинскихъ благородныхъ всадниковъ изъ бывшихъ сторонниковъ Тридцати, считая, что удаленіе и гибель этой ненужной декораціи принесетъ выгоду народу ⁹.

Прошло всего два года послѣ замиренія 403 года, какъ возстановилась въ своемъ прежнемъ видѣ объединенная Атика. Когда олигархи, устроенные въ Элевсинѣ, стали набирать наемниковъ, аѳиняне двинули на нихъ гражданское ополченіе и заставили элевсинцевъ присоединиться къ центральной общинѣ (401—400 г.).

Обвиненіе Сократа. Внутренняя жизнь Аѳинъ отъ момента реставраціи до появленія брошюръ Исократы, освѣщающихъ аѳинскія настроенія съ 380 года, намъ почти неизвѣстна. Особенно неясно десятилѣтіе, предшествующее попыткѣ возрожденія морской державы, т.-е.

годы 403—394. Среди этой темной полосы вырывается яркимъ, точно молниеноснымъ эпизодомъ процессъ Сократа въ 399 г. На первый взглядъ въ немъ все кажется загадкой, въ такой мѣрѣ мы чувствуемъ беспомощность истолковать изолированный фактъ.

Если Сократа собирались судить какъ первоучителя олигархій, то непонятно, почему его не привлекли къ обвиненію немедленно послѣ паденія олигархическихъ правительствъ въ 411 г. или въ 403 г.; почему онъ оказался особенно опаснымъ въ 399 г.? Съ другой стороны, въ моментъ примиренія партій въ 403 г. аѳинскій народъ рѣшилъ амнистировать бывшихъ враговъ демократіи; представляется мало вѣроятнымъ, чтобы демократическіе политики нарушили обѣщаніе и притянули на судъ безоружнаго и, повидимому, политически уже безвреднаго старика по какому-либо партійному обвиненію. У насъ есть къ тому же указанія на значительную терпимость, установившуюся въ реставрированной демократіи; такъ, мы знаемъ, что Андокидъ, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ гетерій, обвинявшійся въ 415 году въ связи съ процессомъ гермокопидовъ, послѣ амністїи вернулся въ Аѳины, реабилитировалъ себя отъ обвиненія и настолько поднялся въ довѣрїи демоса, что уже въ 392 году могъ выступить въ посольствѣ, отправленномъ въ Спарту. По всему видно, что обвиненіе, предъявленное Сократу, исходило не отъ партійно-политическихъ мотивовъ. Но оно вообще звучитъ странно: Сократъ обвинялся «въ пренебреженіи къ богамъ своей родины, во введеніи новыхъ боговъ и въ развращеніи юношества». Это—формула религіозно-политическаго процесса въ томъ духѣ, какъ его построилъ Діопейоъ для преслѣдованія софистовъ и ученыхъ. Сократъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ просвѣтителей и диалектиковъ послѣдней трети V вѣка. Но вѣдь эпоха его опасныхъ матеріалистическихъ популяризацій давно миновала. Если Сократа не притянули на судъ послѣ «Облаковъ» Аристофана въ 422 году, то какое основаніе было обвинять его въ 399 г., когда и Сократъ ушелъ отъ физики, и, съ другой стороны, само аѳинское общество перестало быть такимъ національно-исключительнымъ въ религіи, допустило въ свою среду много новыхъ вѣрованій и обрядовъ и къ тому же—что весьма важно—заключало въ себѣ множество совсѣмъ невѣрующихъ людей? Явно, старая инквизиціонная формула покрыла что-то совсѣмъ постороннее, имѣющее мало общаго съ просвѣтительной дѣятельностью Сократа.

Всмотрѣвшись внимательно въ источники, излагающіе намъ дѣло Сократа, мы, можетъ быть, окажемся уже не въ столь затруднительномъ положеніи. Передъ нами выяснится не только основаніе самаго суда надъ великимъ аѳинскимъ софистомъ, но и его общественно-полити-

ческая обстановка. Если только не поддаваться обычнымъ отвлеченнымъ и выспреннымъ фразамъ о томъ, что въ 399 г. невѣжественная и завистливая толпа засудила міровую правду, то выясненіе реальныхъ обстоятельствъ, лежащихъ въ основѣ процесса, можетъ пролить свѣтъ и на глубокія внутреннія настроенія аѳинскаго общества, и тогда обратно перестанетъ рѣзать насъ своею загадочностью и само дѣло Сократа.

Прежде всего необходимо дать себѣ отчетъ въ характерѣ дошедшихъ до насъ апологій Сократа. Оба ученика, взявшіе на себя его защиту, Платонъ и Ксенофонтъ, пишутъ значительно позже процесса; нѣкоторыя подробности успѣли потерять остроту интереса, забыться. Они пишутъ оба (Платонъ въ «Апологіи», Ксенофонтъ въ «Воспоминаніяхъ») не прямой отчетъ о ходѣ дѣла, сколько оно было имъ извѣстно, а отвѣчаютъ на литературное обвиненіе памяти учителя: отсюда новый рядъ умолчаній и нѣкоторое уклоненіе въ сторону, вызванное полемикой. Наконецъ, они пишутъ, обращаясь къ тому самому аѳинскому обществу, которое осудило Сократа, и цѣль ихъ—опять водвориться въ этомъ обществѣ, примирить его со своимъ ученіемъ и внушить ему свое пониманіе учителя. Дѣло въ томъ, что тотчасъ же послѣ смерти Сократа въ его школѣ произошелъ намѣчавшійся уже раньше расколъ между бѣдными и богатыми, между двумя группами, которыя обратились потомъ въ секты киниковъ и платониковъ. Высоко-аристократическій Платонъ, исполненный пренебреженія къ пролетарію Антисѳену, не забываетъ вставить въ «Апологію» Сократа, будто бы произнесенную передъ судьями, стрѣлу, которая направлена противъ этого соперника, «лжеученика» Сократова. Ксенофонтъ, правда, не занимается такой полемикой съ плебеями, но старается представить Сократа въ общеніи съ самымъ приличнымъ свѣтскимъ обществомъ, въ томъ числѣ съ богатой куртизанкой Теоодотой; что же касается черни, то Сократъ будто бы смотрѣлъ на нее свысока. Къ нашему большому сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одной строки, ни одного звука о Сократѣ изъ школы киниковъ; приходится довольствоваться двумя изображеніями писателей, пристрастныхъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Платонъ поступаетъ чрезвычайно рѣшительно. Въ Апологіи Сократа онъ поднимается надъ всеми вопросами политической дѣйствительности и произноситъ моральную проповѣдь: вы, аѳиняне, не замѣтили, что среди васъ жила совѣсть ваша въ лицѣ умнѣйшаго учителя Аѳиня; вы не стерпѣли этого врага лицемѣрія и чванства, этого безпощаднаго критика общественныхъ нравовъ, въ которомъ горѣло чувство правды, который всегда зналъ вѣрный путь, подсказанный ему внутреннимъ голосомъ. Сократъ—мученикъ за непонятую массой великую идею, пророкъ, посланный аѳинянамъ на ихъ спасеніе, носитель боже-

ственной миссиі, вдохновленный самимъ Дельфійскимъ оракуломъ; по своему самоотреченію, готовности на всё жертвы ради друзей и духовныхъ дѣтей своихъ онъ поднимался выше человѣческой натуры, онъ былъ какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ. Несравненный мастеръ романтической идеализаціи, Платонъ больше всего виноватъ въ томъ, что потомство вплоть до нашего времени не можетъ разобраться въ обстоятельствахъ процесса Сократа; хотя надо признаться, что новоевропейскіе историки и философы пошли еще гораздо дальше Платона въ разрисовкѣ ореола, окружающаго Сократа, и въ превращеніи человѣческаго образа великаго аѳинянина въ блѣдное пятно.

Гораздо ближе къ дѣлу практичный Ксенофонтъ, и мы очень многимъ обязаны его указаніямъ. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» онъ не опровергаетъ прямо обвиненія Сократа въ «пренебреженіи къ богамъ родного города и въ развращеніи юношества». Избѣгая характеристики общаго направленія мыслей учителя, Ксенофонтъ старательно устраняетъ подозрѣніе въ томъ, что будто бы Сократъ слишкомъ много интересовался науками о міровыхъ явленіяхъ, астрономіей или физикой; нѣтъ, онъ предпочиталъ заниматься вопросами практической жизни, тѣмъ, что непосредственно полезно человѣку. Въ «Воспоминаніяхъ» осторожно подобраны разговоры Сократа на самыя разнообразныя темы житейскія; цѣль автора—показать, что ничего не было противоположнаго въ дѣятельности учителя. У Сократа не даромъ было много искреннихъ друзей; онъ хлопоталъ только о томъ, чтобы cadaго поставить на свое мѣсто, открыть таланты, дать вѣрное направленіе природнымъ силамъ cadaго, научить работать основательно и добросовѣстно. Все какъ будто хорошо укладывается въ демократической обстановкѣ Аѳинъ; только тамъ и сямъ проскакиваетъ ядовитая стрѣла противъ аѳинскаго мѣщанства, отточенная въ аристократическомъ кружкѣ, который льнулъ къ Сократу, и тутъ всегда видно, что среднему уму Ксенофонта не додуматься было до тонкой ироніи учителя: въ такихъ случаяхъ онъ передаетъ черты высоко-подлинныя. Въ интересахъ защиты, конечно, было бы выгоднѣе умолчать о прямыхъ выходкахъ Сократа противъ демократіи. Но въ концѣ-концовъ даже остальные разговоры, составляющіе большую часть книги, разговоры на темы какъ будто бы нейтральныя, выдаютъ политическое міровоззрѣніе Сократа.

Общественная дѣятельность Сократа въ послѣднюю пору его жизни. Необходимо прежде всего выяснитъ, что такое эта «добродѣтель», о культивированіи которой идетъ постоянно рѣчь въ бесѣдахъ Сократа, и кто такое его разнообразныя «друзья».

Въ одномъ мѣстѣ Воспоминаній есть прямой отвѣтъ на эти во-

просы. Многочисленные участники кружка некали наставленія у Сократа не для того, чтобы приготовиться къ общественно-политической дѣятельности, стать ораторами народнаго собранія или адвокатами на судѣ (δημηγορικοὶ ἢ δικαστικοὶ), но для того, чтобы стать порядочными людьми (καλοὶ καγαθοὶ) ¹⁰. Послѣдній терминъ намъ хорошо извѣстенъ изъ литературы предшествующаго времени. Такъ любила именоваться аристократія, противопоставляя себя «подлой черни». Въ другомъ мѣстѣ ясно сказано, что порядочнымъ людямъ слѣдуетъ уклоняться отъ политическихъ должностей и жить лишь частными интересами своихъ тѣсныхъ кружковъ ¹¹. Затѣмъ изъ цѣлаго ряда разговоровъ видно, что добродѣтель понимается въ смыслѣ выработки аристократическихъ качествъ, навыковъ и повадки, недоступной необразованной толпѣ.

Хотя ксенофоновскій Сократъ любитъ говорить объ умѣренности (впрочемъ, только въ ѣдѣ и питьѣ, но не въ эротическихъ дѣлахъ), однако ясно, что проповѣдь аристократизма рассчитана исключительно на людей состоятельныхъ: только имъ можно было совѣтовать учиться спеціальнымъ наукамъ и упражняться въ разныхъ видахъ спорта. Но система жизни, раскрывающаяся въ «Воспоминаніяхъ», не ограничивается совѣтами воспитанія, гигиены тѣла и развитія техническихъ знаній. Сократъ идетъ гораздо дальше. Аристократамъ не только слѣдуетъ уклоняться отъ служенія массѣ народа, отъ вульгарной политики, гдѣ должностныя лица являются просто рабами толпы, но они необходимо должны сплочиваться въ тѣсныя группировки. Въ разговорѣ съ космополитомъ Аристиппомъ ¹², который хочетъ всюду жить гостемъ-иностранцемъ, вдали отъ борьбы партій, Сократъ не возражаетъ по существу. Онъ только оспариваетъ способы, предлагаемые Аристиппомъ: если хочешь жить внѣ политики, нельзя устраиваться одиноко, это слишкомъ опасно; надо сплотиться съ подобными себѣ, надо примкнуть къ какой-либо частной организаціи «друзей». Сократъ не устааетъ проповѣдовать о необходимости пріобрѣтенія друзей; онъ и самъ—мастеръ устраивать ассоціаціи: по крайней мѣрѣ, за нимъ установилась слава «охотника на порядочныхъ людей» ¹³, и его просятъ оказать помощь, когда надо соорудить кружокъ. Въ разговорѣ съ Критобуломъ, можетъ быть, самомъ реалистическомъ во всей книгѣ ¹⁴, Сократъ настаиваетъ на важности частныхъ коалицій для охраны матеріальныхъ интересовъ; люди состоятельные должны соединять свои выгоды, устанавливая круговую поруку; богатый человекъ сдѣлаетъ очень хорошо, если окружитъ себя свитой преданныхъ друзей.

Друзья, φίλοι, разумѣются въ двухъ разныхъ смыслахъ: или это ровни по званію, товарищи, тогда ихъ взаимность есть емѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторая коммуна (κοινωνοί); или это соединеніе патрона и кліента,

тогда ихъ дружба состоитъ изъ услугъ и покровительства, службы и вознагражденія. Между прочимъ послѣдній видъ комбинаціи облегчается тѣмъ, что есть масса свободныхъ обѣдѣвшихъ и безработныхъ людей, которые не знаютъ, куда дѣваться, не особенно расположены брать черную работу или даже индустріальное занятіе, но очень охотно принимаютъ на себя всякаго рода факторство, побѣгушки и ходатайства по дѣламъ богатыхъ людей или администрацію въ ихъ домѣ, надзоръ за работами и пр. Сократъ оказывается и въ этомъ отношеніи необыкновенно практичнымъ и умѣлымъ совѣтчикомъ. Онъ направляетъ нѣскольکو растерявшагося богача Критона на поиски частнаго повѣреннаго, агента по всякимъ дѣламъ, между прочимъ по дѣламъ кляузнаго свойства. Совмѣстными усиліями они добываютъ нѣкоего Архедема, пролетарія, когда-то выдавшаго вида, бойкаго на языкъ, не человекъ, а кладъ для процессуальной грызни съ сикофантами, и Сократъ потомъ еще подробно учитъ Критона, какъ обходиться со своимъ фактотумомъ, какъ расположить его къ дому, то приглашая обѣдать, то посылая ему провізію изъ своего имѣнія и пр.¹⁵ Конечно, такимъ друзьямъ была очень опредѣленная матеріальная цѣна, и мы встрѣчаемся въ «Воспоминаніяхъ» съ довольно забавной таксою на «дружбу». «По-моему—говоритъ одинъ изъ учениковъ Сократу—есть друзья, которыхъ я бы оцѣнилъ въ двѣ мины, есть другіе, на которыхъ я бы неистратилъ и полмины; есть и такіе, за которыхъ не жалко отдать десять минъ, и, наконецъ, за пныхъ я бы готовъ постоять всѣми богатствами и доходами своими». «Истинная правда», соглашается Сократъ¹⁶.

Воспоминанія Ксенофонта рисуютъ очень ярко аѳинскую жизнь въ концѣ V вѣка, какъ она сложилась въ результатъ долгой изнурительной войны. Мы видимъ разореніе, бѣдствія и безработицу въ средѣ гражданъ; видимъ, какъ богатые люди стараются укрыть свои капиталы отъ государства, какъ въ виду этого они отворачиваются отъ политики, несущей въ себѣ столько риска, какъ образуютъ тѣсные союзы и кружки для преслѣдованія личныхъ коммерческихъ интересовъ; какъ они нанимаютъ на свою частную службу безработныхъ пролетаріевъ, оттягивая этихъ лакеевъ, агентовъ и факторовъ отъ общей массы демоса, когда-то гордившагося своей независимостью, когда-то грознаго передъ кучкой порядочныхъ людей, а теперь разсыпавшагося въ прахъ передъ ними. Среди общественнаго разброда, широкаго развитія патроната и кліентелы Сократъ играетъ очень видную роль: онъ—умѣлый организаторъ новаго антидемократическаго уклада жизни, и къ тому же онъ успѣваетъ создавать для него очень благозвучное теоретическое оправданіе.

Къ картинѣ развала аѳинскаго строя, нарисованной Ксенофонтомъ,

надо добавить еще одну черту: самъ авторъ, какъ многіе изъ его сверстниковъ, въ эту именно пору, вскорѣ послѣ реставраціи демократіи, ушелъ изъ Аѳинъ, не находя здѣсь приложенія своихъ силъ, не желая служить демократіи. Одинъ за другимъ рушились всѣ устои аѳинской жизни: исчезалъ патриотизмъ въ самомъ элементарномъ своемъ видѣ. Правда, когда Ксенофонтъ собирался на службу къ персамъ, для участія въ экспедиціи Кира Младшаго, въ 401 г., Сократъ успокоилъ его сомнѣнія ссылкой на то, что въ предпріятіи нѣтъ ничего вреднаго для родного города ¹⁷. Но это утѣшеніе звучитъ очень формально. А развѣ уходъ взрослыхъ, сильныхъ и талантливыхъ людей въ добровольную эмиграцію не составлялъ шага чрезвычайно вреднаго для аѳинской политической жизни? Въ «Воспоминаніяхъ» можно отыскать мотивировку бѣгства изъ Аѳинъ именно той части молодежи, которая увлекалась военнымъ дѣломъ. Говорится о томъ, что аѳиняне пренебрегаютъ упражненіемъ конницы и вообще забросили этотъ видъ оружія; говорится, что аѳиняне не извлекаютъ выгоды изъ своего сухопутнаго положенія, не укрѣпляютъ своей границы противъ Беотіи, границы, состоящей изъ горъ съ немногими узкими проходами. Не дѣлаютъ этого аѳиняне потому, что они лѣнливы, капризны, недисциплинированы. Изъ этой критики ясно видно, что авторъ не одобряетъ морской политики Аѳинъ и въ особенности ненавидитъ правы морской черни; но Ксенофонтъ тутъ говоритъ не отъ своего имени, онъ скрывается за спиной Сократа и любезно подсовываетъ учителю воинственные планы молодежи, ея увлеченіе дисциплиной «настоящаго» войска, находящагося подъ строгой единой командой, отученнаго отъ своеволія, значить, спартанскаго или персидскаго или какого угодно, только не аѳинскаго. Ученикъ приписываетъ учителю еще одинъ планъ: будто бы Сократъ вдохновлялъ Перикла-сына на завоеваніе Беотіи ¹⁸. Конечно, всѣ эти стратегическіе и тактическіе уроки Сократа весьма мало правдоподобны, но что онъ одобрялъ молодежь, устремлявшуюся въ завоевательныя авантюры и не желавшую служить оборванному демосу ремесленниковъ и лавочниковъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Ксенофонтъ объяснилъ намъ все или почти все въ возникновеніи процесса Сократа. Только одно еще добавленіе слѣдуетъ сдѣлать къ его характеристикѣ. Мы не должны забывать, что, кромѣ аристократической группы, представленной въ литературѣ Платономъ и Ксенофонтомъ, къ Сократу примыкала еще другая, нищенствующая, монашеская съ Антисѳеномъ во главѣ. Сократовское соціальное ученіе было шире и растяжимѣе, чѣмъ его изображаетъ Ксенофонтъ: учитель и организаторъ не только внушалъ устраивать патронатные богатые союзы, но его совѣтами и теоріями вдохновлялись также братскія аскетиче-

скія общежитія. Плебей и бѣднякъ Антисѳенъ увлекся Сократомъ не менѣе, чѣмъ тонко чувствующій аристократъ Платонъ. Уже въ зрѣлыхъ годахъ, находясь во главѣ школы послѣдователей, Антисѳенъ горячо отдается руководительству Сократа. Сущность социальнаго ученія Сократа, повидимому, состояла не въ томъ, что онъ шелъ навстрѣчу желаніямъ опредѣленнаго класса, аристократическаго или пролетарскаго, а въ томъ, что онъ проповѣдовалъ политическій анархизмъ, отрицаніе государства, уходъ отъ городской жизни въ частные союзы, въ сектантскія замкнутыя общины.

Если таковы были настроенія значительной части аѳинскаго общества, то можно себѣ представить отчаяніе организаторовъ и вождей возстановленной демократіи, Фрасибула, Анита, Тисамена и др.: были налицо демократическія учрежденія, но не хватало демократовъ, была республика безъ республиканцевъ. Въ извѣстномъ смыслѣ дѣло обстояло для искреннихъ друзей демократіи хуже, чѣмъ во время прямой и открытой борьбы съ олигархами и реакціонерами; теперь врагъ былъ неуловимъ и почти не виденъ, а бѣда состояла въ томъ, что собственная армія дезертировала и притомъ со дня на день все больше и больше. Взгляды демократическихъ дѣятелей, которымъ приходилось бороться съ ужасающимъ паденіемъ гражданскихъ чувствъ, отразились, между прочимъ, въ одной интересной политической мечтѣ, занесенной въ легенду о Солонѣ и потомъ воспроизведенной въ біографіи древняго законодателя аккуратнымъ собирателемъ Плутархомъ. Будто бы мудрый устроитель Аѳинъ предписалъ, чтобъ во время политическихъ столкновений всякій гражданинъ непременно выбиралъ себѣ партію, а не оставался нейтральнымъ, иначе ему грозитъ позорное наказаніе. Фантастическій законъ своеобразно мотивированъ: (Солонъ) хотѣлъ, очевидно, добиться, чтобы граждане не относились безразлично къ общественнымъ интересамъ, чтобы они не вздумали, *выдѣливъ и спрятавъ свои личныя средства* (ἐν ἀσφαλείῃ θέμενον τὰ οἰκεία), взирать съ злорадствомъ на несчастія отечества, а, напротивъ, присоединялись къ той партіи, дѣло которой считаютъ болѣе справедливымъ, несли бы съ нею жертвы и опасности и не дожидались въ сторонкѣ исхода борьбы ¹⁹. Мотивъ этотъ звучитъ точно возраженіе сократовскому анархизму и политической апатіи; повидимому, Солонъ законъ составляетъ выдумку республиканскаго историка или публициста разбираемой нами эпохи, имѣвшаго передъ собой угрожающій фактъ роста сектантскихъ круговъ; остріе ея направлено противъ политическаго безразличія, которое поборнику гражданскихъ чувствъ и политической чести казалось худшимъ изъ всѣхъ золъ.

Подчеркнутыя выше слова показываютъ, что политики, устрашен-

ные успѣхами сектантства и анархизма, усматривали не только нравственную, но и матеріальную опасность въ уклоненіи гражданъ отъ политики; безпартійные, по ихъ мнѣнію, будутъ прятать свои капиталы, община лишится всякой пользы отъ принадлежащихъ имъ матеріальныхъ средствъ. Сократу пришлось серьезно считаться съ обвиненіемъ въ политическомъ безразличіи; онъ долженъ былъ объяснять судьямъ, почему уклонялся отъ политики, и доказывать, что въ поведеніи его не было ничего новаго и неожиданнаго, что въ теченіе всей жизни такой образъ дѣйствій подсказывался ему глубокимъ внутреннимъ голосомъ.

Процессъ Сократа. Намъ вполне понятны два вражескихъ лагеря, ополчившихся другъ противъ друга, понятна невозможность примиренія, понятенъ, слѣд., и общій мотивъ процесса Сократа, который былъ ареной борьбы за политическую цѣльность аѳинской общины и составлялъ первое обвиненіе сектантской, церковной, антигосударственной общины. До сихъ поръ все ясно и логично, потому что историку приходится разбираться пока въ самыхъ общихъ и отдаленныхъ условіяхъ явленій. Но какъ только онъ переходитъ къ прямымъ дѣйствіямъ живыхъ людей и въ особенности къ ихъ словамъ, онъ наталкивается на несообразности, на уродливыя заключенія человѣческой психологіи, на уклоненія и скачки, которые часто приводятъ къ злымъ, дикимъ и нелогичнымъ теоріямъ.

Первая и крупнѣйшая несообразность демократическихъ дѣятелей, желавшихъ спасти Аѳины, состояла въ томъ, что они олицетворили великое общественное бѣдствіе въ одномъ человѣкѣ, увѣрившись, что именно въ Сократѣ заключенъ корень зла: устранить искуснаго организатора, заставить замолчать опаснаго вдохновителя разрушительныхъ ученій—и Аѳины опять воспрянуть. Итакъ, надо сосредоточить усилія, чтобъ притянуть на судъ вреднаго софистическаго анархиста; но какъ это сдѣлать? Вѣдь законъ Солона, осуждающій политическую нейтральность, есть именно мечта воображенія, а гдѣ же тѣ статьи, подъ которыя подойдетъ неуловимая дѣятельность Сократа?

Совершается новая нелѣпность; политики роются въ старомъ архивѣ инквизиціонныхъ процессовъ и достаютъ оттуда ржавыя, полузабытыя формулы, по которымъ въ свое время охваченный паникой народъ засудилъ ученыхъ, Анаксагора, Протагора и другихъ. Аѳинскимъ присяжнымъ еще и въ 399 г. можно было предъявить такого рода обвинительный актъ: «Сократъ училъ превратно, оскорблялъ боговъ-покровителей роднаго города, значить, подорвалъ благосостояніе всей общины и отдѣльныхъ гражданъ». Но невозможно допустить, чтобъ обвинявшіе Сократа представители аѳинской интеллигенціи, политической дѣятель

Анить, поэтъ Ликонъ, риторъ Мелеть, серьезно принимали эти старыя бредни; они явно совершали актъ великаго лицемѣрія, если пытались народу внушить вредъ ученія Сократа именно съ точки зрѣнія условнаго религіознаго патріотизма. Вѣдь всѣ они были учениками софистовъ, читали Протагора, слышали со сцены просвѣтительную проповѣдь Эврипида и стояли, вѣроятно, на одинаковомъ съ Сократомъ уровнѣ воззрѣній. Уже процессъ гермоконидовъ показалъ, какъ много было въ Афинахъ иконоборцевъ, т.-е. отрицателей старой религіи; Платонъ говоритъ потомъ о сплошномъ почти невѣрїи интеллигентныхъ круговъ. Обвинители Сократа могли быть, чѣмъ угодно, рационалистами, агностиками, вѣрующими въ Провидѣніе, но только не почитателями старыхъ боговъ. Ихъ самихъ можно было съ одинаковымъ успѣхомъ судить по дикобразной инквизиціонной формулѣ объ оскорбленіи боговъ роднаго города. Къ тому же Сократъ отличался, сколько можно заключить по «Воспоминаніямъ» Ксенофонта, большою осторожностью въ своемъ внѣшнемъ поведеніи; демонстративно исполнялъ всѣ требуемые обряды, рекомендовалъ друзьямъ своимъ богомолья къ дальнимъ святынямъ (правда, больше изъ гигиеническихъ соображеній), и т. д.

Во всякомъ случаѣ обвинителямъ было очень трудно поддерживать первый пунктъ составленнаго ими акта: ихъ положеніе было фальшиво, они не могли привести никакихъ точныхъ данныхъ въ доказательство вредной будто бы проповѣди Сократа. Разъ вступивши на путь религіознаго лицемѣрія, приходилось дѣлать новыя натяжки, накоплять ложь на ложь. Въ формулѣ обвиненія значилось, что Сократъ вводитъ *καιὴ δαιμόνια*. Передавая эти слова выраженіемъ «новыя божества», мы не вполне отбѣиваемъ намѣренную туманность и загадочность термина «демоническій», который внесенъ обвинителями. Дѣло вѣдь идетъ не о «богахъ», т.-е. ясныхъ, опредѣленныхъ существахъ съ отчетливымъ культомъ, «введеніе» которыхъ и не могло быть актомъ частныхъ лицъ, а было осуществимо лишь распоряженіемъ государства; нѣтъ, обвинители намекали на обращеніе Сократа къ новымъ неуловимымъ силамъ, культъ которыхъ скрытъ, невидимъ для непосвященныхъ, составляетъ опасное тайное волшебство. Почти безъ сомнѣнія можно сказать, что общество, собиравшееся около Сократа, имѣло и особую интимную религію. Гетеріи вообще питали склонность къ религіозной замкнутости, къ принятію новыхъ ученій, къ почитанію своихъ особыхъ божественныхъ патроновъ; тѣмъ болѣе союзъ, который, подобно сократовскому, составлялъ настоящую церковную секту, отдѣлявшую себя отъ государства. Но для того, чтобы представить сократовскій демоніонъ, Верховное Существо, чтимое въ его кружкѣ, опасной колдовской силой, надо было нагородить цѣлую систему фальши, и обвинители Сократа, интеллигентные люди,

не постыдились, для этой цѣли, использовать разныя сплетни и темныя слухи объ интимныхъ разговорахъ.

А между тѣмъ обвиненіе звучало страшно. Мы видимъ изъ защиты Ксенофонта и Платона, какъ трудно было Сократу отстранить его. Ксенофонтъ сводитъ демоніонъ на оракулы и другія дозволенныя внушенія боговъ, Платонъ пытается истолковать демоніонъ, какъ внутренній голосъ, повелительно направлявшій Сократа въ его поведеніи, и предохранявшій его отъ ложныхъ и вредныхъ шаговъ²⁰. Какъ въ дѣйствительности оправдывался на судѣ Сократъ, остается неяснымъ. Еще болѣе скрыто отъ насъ то, что говорили обвинители. Можетъ быть, ихъ рѣчи были умнѣе, чѣмъ формула обвинительнаго акта; возможно, что большинство присяжныхъ очень хорошо понимало, что волшебство и «новыя божественныя силы» притянуты къ процессу насильно и что дѣло идетъ о сектѣ, объявившей непримиримую войну свѣтской республикѣ.

На другой сторонѣ также можно отмѣтить непоследовательность и ненужное упорство: гибель Сократа обусловлена отчасти ошибками, совершенными имъ самимъ, но онъ-то именно и составляютъ великое достоинство этого человѣка и оправдываютъ его въ глазахъ тѣхъ, кто не можетъ сочувствовать его дѣятельности. Ученики Сократа увѣряютъ, что онъ имѣлъ полную возможность уйти изъ Аѳинъ до суда, какъ только возникло обвиненіе. Они рассказываютъ, что Сократъ могъ свободно бѣжать изъ тюрьмы, когда исполненіе смертнаго приговора неожиданно затянулось вслѣдствіе религіозныхъ соображеній на цѣлый мѣсяць. Но великій старикъ не хотѣлъ ни того, ни другого. Онъ былъ человѣкомъ исключительнаго мужества и стойкости. И еще, онъ былъ настоящимъ аѳинскимъ патріотомъ, гораздо большимъ, чѣмъ его ученики: этотъ вѣрный сынъ Аѳинъ и днѣ не могъ бы прожить въ изгнаніи. Передъ нами налицо геройство и несообразность.

Еще другую нелогичность можно поставить въ вину Сократу, и на нее указывали даже его безусловные защитники. Ксенофонтъ увѣряетъ, что Сократъ могъ бы легко склонить на свою сторону присяжныхъ, если бы захотѣлъ: надо было только говорить немного помягче, не задѣвать судей гражданъ, избалованныхъ обычной лестью и молениями о пощадѣ со стороны подсудимыхъ²¹. Присяжные, въ составѣ болѣе 500 человѣкъ, признали виновность Сократа незначительнымъ большинствомъ 5 голосовъ. Предстояло особое голосованіе по вопросу о смертной казни, которой требовали обвинители. Еще разъ слово было предоставлено Сократу: осужденный имѣлъ право выставить свое предложеніе о наказаніи. Но онъ точно задался цѣлью устранить все, что могло вести къ облегченію его участи. Сначала онъ отказался говорить вовсе;

потомъ, точно насмѣхъ, опредѣлилъ себѣ штрафъ въ размѣрѣ одной мины, а когда присутствовавшіе на судѣ друзья стали предлагать заплатить за него, сколько угодно, поднялъ цифру до 30 минъ. Это была явная иронія подсудимаго. Присяжныхъ она крайне раздражила; въ ихъ мнѣніяхъ произошелъ поворотъ, и за смертную казнь получилось гораздо болѣе голосовъ, чѣмъ за признаніе виновности. Опять нелогичное упрямство Сократа, опять роковой моментъ, и опять какая прекрасная гордость души, за которую все прощаешь, потому что выше ея и нѣтъ ничего въ человѣческомъ существѣ!

Послѣдователи Сократа. Мы не знаемъ въ точности, какіе результаты имѣлъ процессъ Сократа для основанныхъ имъ кружковъ и союзовъ; но о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ можемъ догадываться. При жизни Сократа его школа распалась на два крыла, представители которыхъ едва выносили другъ друга; послѣ его смерти они немедленно раздѣлились на два жестоко враждующихъ лагеря. Республика, осудившая первоучителя, неодинаково отнеслась къ двумъ группамъ его послѣдователей. Антисѣенъ и община бѣдныхъ остались въ городѣ. Аристократы и богатые, въ томъ числѣ Платонъ, должны были бѣжать изъ Аѣны въ Мегару. Еще въ 392 г., когда вышла въ свѣтъ его Апологія, Платонъ не смѣлъ появиться въ Аѣнахъ. Устами Сократа, въ его защитѣ передъ судьями, выражено предсказаніе: «слѣдомъ за мной поднимутся молодые люди, у которыхъ много досуга, потому что они изъ *богатѣйшихъ семей*». Между прочимъ, это выраженіе показываетъ, какъ сильно въ процессѣ выступали матеріальные вопросы и какъ беспокоило аѣнскихъ республиканцевъ отдѣленіе отъ государства, если можно такъ выразиться, богатой церкви. Та же самая характеристика эмигрантовъ даетъ косвенное объясненіе факту терпимости демократіи къ группѣ Антисѣена: конечно, это были очень плохіе, даже совсѣмъ нигкуда негодные граждане, но что же можно было взять съ аскетовъ, юродивыхъ, опустившихся людей! Прямой опасности государству они не составляли.

Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о такъ наз. школѣ киниковъ, т.-е. о сектѣ монашествующихъ, хотя это одно изъ важнѣйшихъ явленій греческой общественной жизни. Про Антисѣена и Діогена, двухъ выдающихся проповѣдниковъ, бродившихъ по улицамъ Аѣны, рассказываетъ только плоскіе анекдоты Діогенъ Лаертій, писатель донельзя мелкій и недогадливый: читая его, можно подумать, что имѣешь дѣло съ какими-то брюзгливыми юродивыми, циническими остроусловами, потѣшавшими себя и публику. Однако изъ его замѣчаній, обрывочныхъ и часто безтолковыхъ, можно выяснитъ и внѣшній видъ странствующихъ учителей, не стригшихъ бороды, одѣтыхъ въ грубые плащи безъ нижняго

платья, съ посохомъ въ рукахъ и нищенской сумой, и отчасти ихъ ученіе: они отрицали работу и вообще систематическія усилія, плано-мѣрность жизни, находили, что полная независимость дается только отсутствіемъ потребностей и заботъ, отвергали гражданскій порядокъ и смыслъ политической дѣятельности, считая вселенную единственно правильной формой государства (*μόνην τε ὀρθὴν πολιτείαν εἶναι τὴν ἐν κόσμῳ*). Нищенствующая братія составляла, повидимому, общежитія на коммунистической основѣ, при чемъ общность владѣнія они оправдывали своеобразнымъ физическимъ и мистико-богословскимъ ученіемъ: матеріальные элементы постоянно переходятъ одинъ въ другой, между живыми существами и предметами непрерывно происходитъ невидимый обмѣнъ, вслѣдствіе чего окружающій человѣка міръ образуетъ неразрывное органическое цѣлое; истинные мудрецы дружатъ съ богами, а у друзей все общее; божество неотдѣлимо отъ матеріальнаго міра, оно постоянно и всюду присутствуетъ.

Съ аристократической группой сократиковъ мы еще встрѣтимся. Въ 90-хъ годахъ IV вѣка ей не было мѣсто въ Аѣнахъ. Процессъ Сократа былъ извѣстнаго рода побѣдой партіи Анита и другихъ реставраторовъ демократіи; лѣтъ черезъ пять, шесть послѣ этого Аѣины опять находятся въ большомъ воинственномъ націоналистическомъ возбужденіи: повидимому, дѣйствіе сократовской проповѣди уклоненія отъ политики ослабѣло.

Походъ Кира на Вавилонъ и отступленіе Десяти тысячъ грековъ. Внѣшнія событія заставляютъ насъ на нѣсколько лѣтъ вернуться назадъ. Въ 404 г. Спарта обязана была своей побѣдой надъ Аѣинами исключительно помощи персовъ и ихъ безграничнаго богатства. Персидскій принцъ Киръ сыпалъ полными пригоршнями золото, помогаль главному покровителю восточной политики Спарты, Лисандру, только бы уничтожить аѣинскую державу и захватить господство надъ берегами Эгейскаго моря. Лисандръ въ свою очередь, вѣроятно, далъ обязательства самаго широкаго свойства. Опираясь на обѣщанія такого рода, Киръ потребоваль у Спарты помощи въ крупной авантюрѣ, которая составляла цѣль его давнишнихъ желаній: онъ готовилъ большой походъ въ центръ персидскаго государства съ тѣмъ, чтобы свергнуть старшаго брата Артаксеркса, и рассчитываль на военныя силы своихъ греческихъ союзниковъ. Въ тотъ моментъ, когда прибыла миссія Кира, Лисандра не было въ Спартѣ. Враждебная ему партія воспользовалась недочетами въ управленіи одного изъ помощниковъ всесильнаго главнокомандующаго и, хотя на о. Самосѣ олигархи уже успѣли его прославить богомъ, Лисандръ былъ вынужденъ пріѣхать домой для оправданія; замѣтивъ, что въ виду господствующаго настроенія въ

Спартѣ будетъ всего безопаснѣе уйти временно отъ дѣлъ, онъ предпочелъ отправиться на богомолье въ Египеть, будто бы во исполненіе давнишняго своего обѣта.

Теперь спартанскому правительству, въ которомъ преобладали противники Лисандра, предстояло выпутаться изъ затрудненій, получившихся отъ династическаго спора въ персидскомъ государствѣ: нельзя было отказать Киру въ помощи, съ другой стороны, было опасно ссориться съ самимъ великимъ царемъ. Спарта рѣшила поддержать Кира неофициально: ему было позволено на вербовать въ Греціи, особенно въ Пелопоннесѣ, солдатъ, и, кромѣ того, въ качествѣ главнокомандующаго отряда наемниковъ ко двору Кира отпустили спартанца Клеарха, въ свое время неудачнаго противника Алкивиада въ Византіи, разжалованнаго потомъ самими эфорами за произвольныя дѣйствія въ качествѣ гармоста. У Кира набралось до 13.000 грековъ, аркадянъ, ахейцевъ, элейцевъ, вессалійцевъ; былъ небольшой отрядъ ионянъ, среди нихъ Ксенофонтъ, который потомъ описалъ походъ. Изъ осторожности Киръ договорился съ каждымъ изъ разноплеменныхъ контингентовъ въ отдѣльности, и солдаты не знали объ истинной цѣли предпріятія. Свое большое войско, въ которомъ было болѣе 100.000 азіатовъ, Киръ двинулъ сначала для отвода глазъ въ глубину Малой Азіи. Когда греческіе наемники очутились далеко отъ роднаго моря, на неизвѣстной дорогѣ, Киръ открылъ свое намѣреніе: послѣ нѣкотораго колебанія и короткой вспышки возмущенія противъ Клеарха, посвященнаго въ планы персидскаго принца, греки согласились идти дальше. Киръ форсировалъ знаменитые киликійскіе проходы, при чемъ князь Киликіи Сиеннезисъ, уступилъ подъ давленіемъ пелопоннескаго флота, приблизившагося къ берегамъ Леванта; затѣмъ войско претендента безпрепятственно прошло черезъ Сирію и Месопотамію и, слѣдуя теченію Евфрата, приблизилось къ Вавилону. Здѣсь при Кунаксѣ Киръ встрѣтился съ громадною арміею, которую успѣлъ набрать во внутреннихъ областяхъ его братъ, царь Артаксерксъ, предупрежденный смертельнымъ врагомъ Кира, Тиссаферномъ.

Ходъ сраженія подъ Вавилономъ показываетъ, какой великолѣпной тактической силой были греки, и въ то же время какъ трудно было подчинить ихъ общей командѣ. Клеархъ велъ свое дѣло блестяще, но безъ вниманія къ общему направленію битвы; вмѣсто того, чтобы подать помощь Киру въ центрѣ, онъ сталъ преслѣдовать разбитое непріятельское крыло; тѣмъ временемъ Киръ, неистово бросившійся на самого царя, былъ изрубленъ его свитой. Хотя азіатскіе отряды Кира разбѣжались, однако греки снова отразили атаку царскаго войска и остались въ обладаніи поля битвы. На одинъ моментъ казалось, что

они—господа положенія; греческіе командиры даже предложили переу Арію корону. Персы были въ большомъ затрудненіи, что дѣлать съ этой опасной силой, занесенной въ самое сердце имперіи. Тиссафернъ прибѣгъ къ хитрости, вступилъ въ переговоры съ Клеархомъ и другими командирами, заманилъ ихъ къ себѣ и велѣлъ перебить. Греческій корпусъ вовсе не былъ, однако, разстроенъ этимъ маневромъ. Хотя греки сошлись случайно изъ разныхъ общинъ, притомъ такихъ, которыя ожесточенно бились между собою дома въ Элладѣ, по здѣсь на чужбинѣ они почувствовали себя сынами одной родины и даже воспроизвели у себя идеальный порядокъ эпохи патріотическаго подъема: выбрали новыхъ командировъ и во главѣ поставили спартамца Хирисофа, гражданина первой военной общины Греціи; его помощникомъ, какъ бы начальникомъ штаба, былъ избранъ афинянинъ Ксенофонтъ, совѣтъ, какъ въ эпоху греко-персидскихъ войнъ и вопреки недавней жестокой распрѣ двухъ главныхъ державъ. Сказалась въ этой корпоративно-крѣпкой арміи еще другая черта, слѣдъ демократическаго воспитанія: и выборы, и общія рѣшенія принимались въ большихъ собраніяхъ голосованіемъ солдатъ-гражданъ послѣ основательныхъ дебатовъ, гдѣ ораторы должны были изощряться въ искусствѣ краснорѣчія. Ксенофонтъ, вообще презирающій плебъ и брезгливый къ республиканскому строю, разсказывая объ этомъ, какъ будто не замѣчаетъ, что большая доля успѣха его собственнаго и его коллегъ основана была на своеобразной культурѣ демократіи, оказавшейся вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшей дисциплиной въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Греки, которыхъ осталось немного болѣе 10.000, отвергли предложеніе о сдачѣ и рѣшили отступать. Прежнимъ путемъ они уже не могли возвращаться, такъ какъ ихъ могли легко окружить большія силы враговъ на широкой равнинѣ Евфрата. Они двинулись на сѣверъ по направленію къ восточному краю Чернаго моря и пошли долиной Тигра, придерживаясь его лѣвой нагорной стороны, гдѣ въ виду пересѣченной мѣстности персамъ трудно было вести преслѣдованіе. Новыя препятствія получились отъ этого движенія по горамъ, черезъ страны, скудныя припасами и населенныя воинственными племенами. Особенно трудно было идти областью кардуховъ (нынѣшнихъ курдовъ). Грекамъ пришлось обзавестись конницей, которой у нихъ не было, для развѣдокъ и для отраженія летучихъ отрядовъ противника. Ксенофонтъ, обладавшій большимъ военнымъ чутьемъ, хорошо запомнилъ этотъ урокъ и потомъ въ своей Киропедіи, представляющей какъ бы программу завоеванія Азіи, настойчиво рекомендуетъ формированіе большихъ конныхъ полковъ и основательное упражненіе конницы на маневрахъ. Въ горахъ Арменіи греки избавились, наконецъ, отъ преслѣдо-

ванія персовъ. Послѣ восьмимѣсячнаго отступленія они добрались до моря у Трапезунта; Ксенофонтъ передаетъ намъ моментъ чисто-греческаго восторга, который охватилъ солдатъ, увидавшихъ съ высоты горнаго перевала родную стихію и привѣтствовавшихъ ее возгласами: *θάλαττα, θάλαττα!*

Возобновленіе греко-персидскихъ войнъ. Отнынѣ знаменитые, 10.000 перебравшись на корабляхъ къ Босфору, но на первыхъ порахъ встрѣтились съ очень недружелюбнымъ отношеніемъ къ себѣ соотечественниковъ: Спарта боялась гнѣва великаго царя, съ которымъ официально она продолжала оставаться въ союзѣ. Скоро, однако, персы сами вывели спартанское правительство изъ затрудненія. На мѣсто Кира въ Малую Азію явился Тиссафернъ; онъ потребовалъ податей отъ греческихъ городовъ побережья и сталъ тѣснить сѣверныя эолійскія общины. Тѣ обратились къ спартанцамъ, какъ призваннымъ вождямъ и защитникамъ греческаго имени. У власти еще находилась партія, враждебная Лисандру; она склонилась въ пользу новой политики, въ которой какъ бы возрождалась гордая націоналистическая программа, когда-то блестяще выполнявшаяся афинянами; но если мотивы могли казаться идеалистическими, то въ дѣйствительности этого совѣмъ не было. Повидимому, походъ греческаго корпуса въ глубь Азіи, его замѣчательныя побѣды и еще болѣе замѣчательная оборона произвели сильное впечатлѣніе въ Греціи: спартанскимъ политикамъ борьба съ персами стала казаться дѣломъ не труднымъ. Притомъ надо имѣть въ виду, что преемники Лисандра не располагали широкими планами и готовы были ограничиться мелкими задачами разгрома ближнихъ малоазійскихъ областей. Въ 399 г. въ Эолію отправили спартанца Эиброна, съ небольшими сравнительно силами; къ нему скоро присоединилась большая часть Десяти тысячъ, которые казались неоцѣненнымъ матеріаломъ для азіатскаго похода. Но операціи Эиброна, такъ же, какъ его преемника Деркиллида, прозваннаго «хитрецомъ Сизифомъ», были безцѣльными и ничтожными набѣгами. Оправдывая свое прозвище, Деркиллидъ проявилъ необыкновенное мастерство въ отыскиваніи кладовъ и сокровищницъ, которыми такъ богата была Малая Азія, и Ксенофонтъ въ восторгѣ передаетъ подробки оборотливаго спартанца, сопровождаемая эффектами внезапныхъ появленій и разбойническихъ шутокъ, точно заимствованныхъ изъ уголовно-романической литературы²².

Возрожденная греко-персидская война производила самое жалкое впечатлѣніе. Она остановилась на перемиріи, которое заключилъ Деркиллидъ съ обоими сатрапами, Тиссаферномъ и Фарнабазомъ. Причина неудачи малоазійскаго похода, которая должна была разочаровать всѣхъ поклонниковъ Спарты, заключалась отчасти во всегдашней пассивно-

сти ея правительства, отчасти въ тѣхъ крупныхъ внутреннихъ затрудненіяхъ, которыя переживала спартанская община именно въ моментъ своего величайшаго вѣшняго торжества.

Соціальныя волненія въ Спартѣ. Намѣтившійся въ послѣдней четверти V вѣка соціальный кризисъ въ Спартѣ все больше и больше обострялся. Бывшая сила спартанской общины, мелкое дворянство ея, составлявшее военное товарищество, совсѣмъ разорилось. Липившійся земли и доходовъ съ нея, благородный воитель не могъ больше поддерживать свое соціальное положеніе въ городѣ и выбывалъ изъ состава полноправныхъ. Настоящихъ спартиатовъ, или «равныхъ» (*ἰσῶτοι*) становилось все меньше и меньше. Земельныя владѣнія сосредоточились въ рукахъ немногочисленной плутократіи; она состояла изъ обѣихъ царскихъ династій и нѣсколькихъ семей, которыя поставляли эфоровъ, наварховъ и членовъ совѣта. Почти какъ въ Афинахъ комиссія Тридцати, такъ и спартанское правительство образовало комитетъ финансистовъ, державшій въ своей власти все капиталы, притекавшіе въ страну. Одинъ изъ «бывшихъ» спартанцевъ, Кинадонъ, о заговорѣ котораго будетъ сейчасъ рѣчь, составилъ слѣдующую статистическую выкладку: позвавши своего товарища на большую рыночную площадь во время торга, онъ предложилъ пересчитать полноправныхъ спартиатовъ; стали по пальцамъ считать царей, эфоровъ, геронтовъ и другихъ и оказалось 40 человѣкъ на 4.000 остального народа, или 1 спартиатъ на 100; Кинадонъ прибавилъ, что таково же будетъ отношеніе между господами и неполноправными въ любомъ мѣстѣ страны, помимо самой Спарты. Правящая спартанская плутократія была, по словамъ того же Кинадона, совершенно изолирована и вызывала всеобщую ненависть; въ случаѣ чего противъ нея готовы были подняться: *ἑπομείονες*, т. е. разоренные бывшіе спартанцы благороднаго званія, неодамоды (вольноотпущенные), періойки и гелоты. Къ тому же внутри тѣснаго правительственнаго круга были свои тренія и антагонизмъ. Лисандръ, считавшій себя создателемъ спартанскаго могущества, замышлялъ опрокинуть наслѣдственную царскую власть и сдѣлаться единоличнымъ правителемъ Спарты; послѣ его смерти въ его архивѣ нашли произведеніе нанятаго имъ публициста, въ которомъ оправдывалась такая «тираннія достойнѣйшаго». Лисандръ, повидимому, приближался къ своей цѣли путемъ вмѣшательства въ династическіе споры: въ 397 г., послѣ смерти царя Агиса, онъ помогъ отстранить сына умершаго и провелъ къ царскому сану пожилого брата Агисова, Агесилая, хромого, невзрачнаго и, какъ казалось Лисандру, тихаго, послушнаго.

Вскорѣ послѣ воцаренія Агесилая царю и эфорамъ былъ сдѣланъ важный доносъ относительно обширнаго заговора, составленнаго Кина-

дономъ. Очень характерно положеніе самого инициатора заговора. По-видимому, родомъ изъ старо-спартанской семьи, но потерявшій социальное положеніе, Кинадонъ, еще совѣтъ молодой человѣкъ, примкнулъ въ качествѣ кліента къ плутократическимъ кругамъ; какъ смѣлый и ловкій охотникъ, онъ получалъ не разъ отъ властителей Спарты опасныя порученія, въ особенности по части выкрадыванія людей изъ союзныхъ городовъ, между прочимъ красивыхъ куртизанокъ, сводившихъ съ ума старыхъ и молодыхъ спартапцевъ. Въ чемъ состояла цѣль заговора, мы не знаемъ въ точности. Ксенофонтъ передаетъ только мало-содержательную фразу, которую будто бы произнесъ Кинадонъ на допросѣ: «я не хотѣлъ никому подчиняться въ Спартѣ»²³. Судя по вышеприведеннымъ выкладкамъ Кинадона и перечисленію противниковъ существующаго режима въ Спартѣ, предполагалось, вѣроятно, въ условленный моментъ окружить небольшую кучку представителей плутократіи и перебить ихъ. Только одну любопытную подробность узнаемъ мы относительно подготовки возстанія: Кинадонъ предполагалъ для вооруженія инсургентовъ произвести реквизицію желѣза въ большомъ кузнечномъ кварталѣ Спарты, и притомъ забрать, кромѣ оружія, всякіе земледѣльческіе и ремесленные инструменты. Повидимому, Спарта еще не потеряла славы богатѣйшей обладательницы желѣза. Изъ какихъ общественныхъ слоевъ Кинадонъ и его товарищи думали въ дальнѣйшемъ организовать правительство, какія произвести раздачи, какъ распорядиться съ землей и т. д., остается совершенно неяснымъ. Едва ли у бывшихъ спартиатовъ, стоявшихъ во главѣ движенія, имѣлись широкіе демократическіе планы; недавно согнанные съ земли, они, вѣроятно, прежде всего рассчитывали нарѣзать себѣ хорошіе помѣщичьи надѣлы: такой дѣлежъ земли могъ представляться современникамъ Кинадона чѣмъ-то въ родѣ возстановленія древняго строя, учрежденнаго Ликургомъ, создателемъ идеальной спартанской общины; очень возможно, что къ этому времени относятся первыя попытки приписать мудрому законодателю древности раздѣленіе земли въ Спартѣ и установленіе нормальныхъ участковъ для представителей военнаго класса.

Заговоръ Кинадона сорвался на недостатокъ организациі у революціонеровъ благороднаго званія: они не представляли ничего цѣлаго, а были разбиты своей личной службой по домамъ магнатовъ; поэтому заговоръ удалось потушить руками самихъ заговорщиковъ. Одинъ изъ ближайшихъ сообщниковъ выдалъ планъ заговора; Кинадонъ былъ схваченъ своими ровнями во время секретной миссіи, въ которую его отправили эфоры. Онъ во всемъ признался, самъ выдалъ сотоварищей, но предательство не спасло его. Спартанская плутократія расправилась

надъ врагами своими съ рѣдкой жестокостью: Кинадона и его сообщниковъ забили въ колодки и провели по всеѣмъ улицамъ Спарты, истязуя нагайками и колыями, пока они не пали мертвыми.

Походъ Агесилая въ Азію. Чуть ли не среди расправы надъ заговорщиками пришло тревожное извѣстіе, переданное съ береговъ Финикіи, что персы готовятъ большой военный флотъ въ 300 триеръ. Впослѣдствіи выяснилось, что главную роль въ этомъ предпріятіи игралъ аонинскій эмигрантъ Кононь, одинъ изъ командировъ 405 г., спасшійся отъ пораженія при Эгоспотамахъ и нашедшій себѣ пріюль у Эвагора, греческаго тирана на о. Кипрѣ. Кононь предложилъ черезъ Фарнабаза свои услуги противъ спартанцевъ царю Артаксерксу, и въ результатъ сложилась небывалая еще комбинація: аонянину поручили команду надъ персидекой эскадрой. Лисандръ всполошился; все приобрѣтенія, сдѣланныя имъ на востокъ, были поставлены на карту. Онъ настоялъ на томъ, чтобы въ Азію послали Агесилая, и записался въ число 30 спартиатовъ, образовавшихъ тѣсный совѣтъ царя. Войско Агесилая состояло изъ 6.000 пелопоннесцевъ и 2.000 неодамодовъ; въ Спартѣ нашли, можетъ быть, выгоднымъ услатъ подалеже изъ дому массу вольноотпущенныхъ, среди которыхъ только что обнаружилось опасное броженіе. Одновременно было рѣшено усилить пелопоннесскій флотъ у береговъ Малой Азіи, назначивши навархомъ родственника Агесилая, Писандра. Литературные льстецы предсказывали Агесилаю большой триумфъ надъ изнѣженной Азіей, и самъ спартанскій царь, вообразивъ себя новымъ Агамемнономъ, отправляющимся на великую восточную войну, рѣшилъ отплыть непременно изъ Авлиды въ Беотию, гдѣ по преданію отчалилъ легендарный завоеватель Трои.

Спартанская экспедиція застала Тиссаферна, главнокомандующаго персидскими силами, врасплохъ. Онъ предложилъ продлить перемиріе, заключенное еще съ Деркилидомъ, на условіи предоставленія автономіи малоазійскимъ греческимъ городамъ. Агесилай согласился и расположилъ свою главную квартиру въ Эфесѣ. Здѣсь онъ внезапно и рѣшительно сбросилъ съ себя опеку Лисандра. Благодушный протектъ оказался не только упрямымъ и настойчивымъ, но еще проявилъ какую-то язвительность къ своему покровителю; все дѣлалъ нарочно наперекоръ совѣтамъ Лисандра, а для потѣхи назначилъ его распорядителемъ придворныхъ обѣдовъ. Бывшій властелинъ дѣлъ на востокъ не стерпѣлъ обиды и уѣхалъ домой. Скоро Тиссафернъ получилъ подкрѣпленія и, можетъ быть, въ расчетъ на поддержку флота, который готовилъ Кононь въ Каріи и Ликіи, началъ войну. Дѣла Агесилая и спартанцевъ сначала шли недурно. Предводитель пелопоннескаго отряда извлекалъ пользу изъ уроковъ, вынесенныхъ командирами Десяти

тысячъ (кажется, въ это именно время Ксенофонтъ поступилъ на службу къ Агесилаю): завели конницу, которая до сихъ поръ не была сильной стороною греческаго войска, но оказалась чрезвычайно пригодной на равнинахъ запада Малой Азіи. Близъ Сардъ Агесилай одержалъ рѣшительную побѣду надъ персидскими конными полками Тиссаферна. Побѣда грековъ стоила жизни Тиссаферну; царь Артаксерксъ повѣрилъ навѣтамъ враговъ сатрапа и велѣлъ его казнить, какъ измѣнника. Между тѣмъ пелопоннескій флотъ заперъ Конона съ его эскадрой, пока еще небольшой и неготовой, въ одномъ изъ портовъ Каріи.

На этомъ, однако, успѣхи Спарты остановились. Спартанское правительство, слѣдя политическимъ совѣтамъ Лисандра, удѣлило слишкомъ много вниманія восточнымъ дѣламъ и упустило изъ виду серьезныя осложненія, которыя готовились въ самой Греціи. Здѣсь на Спарту ополчились ея бывшіе союзники.

Коалиція противъ Спарты. Въ своей политикѣ по отношенію къ союзнымъ общинамъ Спарта всегда держалась опредѣленнаго принципа: опираться на слабыхъ противъ сильныхъ, а для этого сохранять раздробленіе, не давать консолидироваться мелкимъ общинамъ въ болѣе крупныя союзы, не допускать централизаціи деревень въ города и господства крупныхъ городовъ надъ малыми. Эта политика покрывалась понятіемъ защиты автономіи и казалась въ глазахъ маленькихъ идеалистической, а на взглядъ большихъ и среднихъ, которымъ Спарта мѣшала поглощать малыхъ, тираннической. Съ окончаніемъ Пелопоннеской войны рѣзкая противоположность интересовъ, получавшаяся отъ автономистской политики Спарты, достигла особеннаго напряженія. Болѣе крупныя ея союзники, Коринѣи, Беотія, Элида, были крайне недовольны тѣмъ, что Спарта не хотѣла съ ними дѣлиться выгодами побѣды. Коринѣи, главный возбудитель войны противъ Аѣннѣи, принесшій столько жертвъ для обузданія своего грознаго торговаго конкурента, далеко не вернулъ своихъ прежнихъ позицій; Спарта не дала ему утвердить вліяніе въ своихъ колоніяхъ, Коркирѣ и Сиракузахъ, освобожденныхъ отъ Аѣннѣи въ значительной мѣрѣ усиліями коринѣянъ. Эвванцамъ Спарта рѣшительно не давала объединить Беотию. Наконецъ, съ Элидой, большой и богатой областью, спартанцы задумали расправиться заблаговременно, пока она не стала имъ поперекъ дороги. Еще до столкновенія Спарты съ персами у элейцевъ требовали: разбить централизацію, отдать автономію зависимымъ городамъ на югѣ (Лепреону и др.) и освободить своихъ періоиковъ. Когда Элида отказала, спартанцы двинули на нее царя Агиса, командира Декелейскаго лагеря и спеціалиста по части опустошенія греческихъ террито-

предположенію не спало его. Спартанская дружина расправилась

рій; въ союзѣ съ маленькими кантонами Ахайи и Аркадіи онъ два года грабилъ Элиду, насаждая автономію и поощряя жадность мелкихъ горныхъ племенъ, которыя при нормальныхъ обстоятельствахъ должны были бы сидѣть тихо въ своихъ гнѣздахъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ актовъ произвола противъ Спарты стала составляться обширная коалиція. Во главѣ ея идутъ Эивы, вновь выросшій городъ, руководимый талантливымъ политикомъ Именіемъ; эиванцы—настоящіе организаторы кампаніи, начавшейся въ 395 году. Изъ бывшихъ союзниковъ Спарты примыкаетъ Коринѳъ. Легко удалось склонить всегдашняго антагониста Спарты, Аргосъ. Особенно удачнымъ ходомъ эиванской дипломатіи было привлеченіе въ коалицію Аѳинъ. Эиванская народная партія дѣйствовала черезъ посредство Эрасибула, котораго въ свое время въ 404 году пріютила у себя вмѣстѣ съ аѳинской демократической эмиграціей. До тѣхъ поръ Аѳины лояльно исполняли обязанности вынужденнаго союзника и вассала Спарты: лишенный Длинныхъ стѣнъ, отрѣзанный отъ моря, приниженный несчастіями, городъ соблюдалъ великую осторожность. Если Аѳины рѣшились теперь выйти изъ повиновенія Спарты, то, очевидно, открылись какія-то неожиданныя перспективы, дававшія надежду на возрожденіе былой мореской силы. Литературные источники говорятъ о появленіи въ Греціи персидскаго золота: персидскій сатрапъ, преемникъ Тиссаферна, прислалъ въ Грецію, черезъ посредство родосца Тимократа, 50 золотыхъ талантовъ, которые и пошли въ руки вліятельныхъ политиковъ Эивъ, Аргоса и Аѳинъ. Но греческіе историки не упоминаютъ о широкихъ планахъ образованія союза между антиспартанской коалиціей и цѣлымъ рядомъ приморскихъ и островныхъ общинъ Малой Азіи, Родоса, Самоса, Книда, Эфеса и др. Этотъ интересный фактъ вскрывается исключительно благодаря догадкамъ, построеннымъ на изученіи монетъ. Прослѣдить кругъ общинъ, захваченныхъ союзомъ, можно на основаніи помѣтки ΣΥΝ, неизмѣнно изображенной на монетахъ его участниковъ. Ясно выступаетъ руководящая роль Эивъ, новаго преуспѣвающаго городского центра: на всѣхъ монетахъ союза—изображеніе Геракла-младенца, придушающаго змѣи, символъ, который составлялъ какъ бы изобрѣтеніе эиванцевъ. Съ другой стороны, въ предѣлахъ союза чеканятъ серебряную монету, которая составляетъ приспособленіе денежныхъ знаковъ Родоса къ вѣсовымъ единицамъ, примѣнявшимся въ Эивахъ²⁴. Отсюда видно, что намѣчается большой торговый союзъ между греками метрополіи и восточныхъ колоній. Аѳины, не успѣвшія оправиться отъ приниженія, не играютъ замѣтной роли въ образованіи этого союза. Выступаютъ новыя силы, на одномъ концѣ Эивы, до тѣхъ поръ община съ политикой исключительно сухопутной,

на другомъ Родось, незадолго до того (въ 410 г.) объединившейся изъ трехъ малыхъ общинъ, между которыми былъ раздѣленъ островъ.

Безъ персидскаго золота коалиція не могла бы и шагу ступить; восточныя деньги нужны были для оплаты службы наемныхъ солдатъ и для возведенія укрѣпленій. Въ IV вѣкѣ рѣдко выступаютъ ополченія гражданъ; причина не столько въ томъ, что они морально испортились и не хотятъ сами защищать свою родину, сколько, что они не могутъ вооружаться на свой счетъ; наемничество развивается отъ бѣдности, а питается притокомъ чужихъ суммъ.

Коринеская война. Можно догадываться, что у союзниковъ въ 395 г. былъ комбинированный широко задуманный планъ: въ то время, какъ персидско-финикійскій флотъ задерживаетъ пелопоннескую эскадру у береговъ Малой Азіи и этимъ отрѣзываетъ отступление массъ спартанскаго войска, находящейся подъ начальствомъ Агесилая, европейскіе греки, оиванцы, афиняне, Коринѳъ и Аргось, обрушиваются на самое Спарту въ ея пелопоннеской твердынѣ.

Въ Спартѣ на опасность посмотрѣли сначала довольно легко. Въ Среднюю Грецію для нападенія во флангъ оиванцамъ былъ посланъ Лисандръ; съ Истма его долженъ былъ поддержать царь Павсаній. Но Лисандръ погибъ въ первой же стычкѣ; Павсаній потребовалъ выдачи его тѣла, но встрѣтилъ отказъ и вынужденъ былъ отступить передъ превосходными силами оиванцевъ. Теперь въ свою очередь союзники двинулись на Пелопоннесъ; близъ Коринѳа, у Немейскаго ручья, произошло большое столкновение, въ которомъ спартанцы одержали верхъ. Но они не могли воспользоваться своей побѣдой и пробить себѣ путь черезъ перешеекъ; союзники загородили самое узкое мѣсто Истма стѣной и палисадами. Для Спарты война обратилась въ «коринескую», поскольку всѣ усилія сосредоточились на форсированіи прохода въ Среднюю Грецію. Въ глазахъ Афинъ война могла бы назваться *третьей пелопоннеской*.

Спартанское правительство, сознавая опасность положенія, вызвало назадъ Агесилая и его экспедицію. Басилей уже не могъ вернуться моремъ и пошелъ, переправившись черезъ Геллеспонтъ, далекимъ окружнымъ путемъ по Фракіи и Фессалии. Когда онъ встрѣтился при Коронѣ въ Беотіи съ войскомъ союзниковъ, ему доставили извѣстіе о великой морской побѣдѣ противника: при Книдѣ Кононъ, командуя персидскимъ флотомъ, разсѣялъ пелопоннескую эскадру; въ сраженіи погибъ спартанскій адмиралъ Писандръ. Въ моментъ полученія вѣсти произошло солнечное затменіе; опасаясь, какъ бы среди солдатъ не началась паника, Агесилай скрылъ отъ нихъ истину положенія подъ Книдомъ и рѣшительно повелъ атаку на непріятеля. Битва при

Короней была опять полной побѣдой спартанцевъ. Но и она не доставила имъ обладанія першейкомъ: Агесилай не осмѣлился идти черезъ Истмъ, а переправилъ свое войско въ Пелопоннесъ на судахъ черезъ Коринтскій заливъ.

Между тѣмъ Кононъ шелъ отъ одного успѣха къ другому. Съ нимъ вмѣстѣ во флотъ находился Фарнабазъ, который везъ новые запасы персидскаго золота. Кононъ предложилъ сатрапу объѣхать малоазійскія общины и повыгнать отовсюду спартанскихъ намѣстниковъ; чуть ли не всѣ сдвинутые съ мѣстъ спартанскіе чиновники бѣжали въ городъ Абидосъ у Геллеспонта. Кононъ рекомендовалъ Фарнабазу мягкое отношеніе къ грекамъ; пусть персы возьмутъ на себя роль освободителей греческаго имени; онъ указывалъ на чувствительность грековъ и предостерегалъ, что малѣйшее уклоненіе и обида могутъ все испортить. Фарнабазъ хотѣлъ энергичнаго нападенія на Спарту; онъ двинулся съ флотомъ къ берегамъ Пелопоннеса, произвелъ опустошенія, затѣмъ появился у Истма, чтобъ поощрить союзниковъ къ наступленію и снабдить ихъ денежными суммами. Но Кононъ спѣшилъ повернуть всю экспедицію на пользу роднаго города. Онъ, повидимому, обладалъ чисто-аонскимъ даромъ очаровывать иностранцевъ, на манеръ Алкивиада: по его совѣту, Фарнабазъ предоставилъ ему распоряжаться персидскимъ флотомъ для возобновленія господства аонянъ надъ островами. Кононъ убѣдилъ сатрапа, что теперь всего нужнѣе возродить Длинные стѣны Аонія; это будетъ наилучшимъ отмщеніемъ Спартѣ, потому что уничтожить плоды всѣхъ ея прежнихъ усилій, а въ то же время обяжетъ аонянъ персамъ. Фарнабазъ склонился на всѣ убѣжденія и уѣхалъ въ свою сатрапію. Кононъ немедленно приступилъ къ восстановленію знаменитыхъ Перикловыхъ укрѣпленій, соединявшихъ главный городъ съ Пирейской гаванью. Интересно, что и эта фортификаціонная работа не могла осуществиться безъ поддержки персидскаго золота; плотники и каменщики получили плату изъ субсидіи, оставленной Фарнабазомъ.

Борьба классовъ и коммунистическія ученія. Большое междоусобіе, разгорѣвшееся въ Греціи съ 395 года, было не только столкновеніемъ между главными общинами; въ немъ сильно сказалась социальная борьба того времени. Если водвореніе олигархій въ 405—404 гг. было торжествомъ денежныхъ капиталистовъ, то, обратно, ихъ сверженіе въ Аоніяхъ (403 г.) и въ малоазійскихъ общинахъ (394 г.) не могло не сопровождаться реакціей пролетаріевъ, которые требовали кассации долговъ, раздѣла имущества и раздачъ изъ государственной казны. Реставраторамъ аонской демократіи, которые, какъ мы видѣли, были политиками необычайно искусными, удалось предотвратить социаль-

ную революцію. Но, очевидно, осталось сильное брожение въ массахъ; приходилось придумывать новыя мѣры для удовлетворенія матеріальныхъ требованій простонародья; въ числѣ ихъ была война противъ Спарты съ ея прежними выгодами для егетовъ. Повидимому, не только Аѣны, но также Фивы, Аргосъ и Коринѳъ бросились въ войну по тѣмъ же самымъ мотивамъ, т.-е. чтобы занять, отвлечь и удовлетворить свой домашній пролетаріатъ.

Въ Коринѳѣ социальныя столкновенія своеобразно осложнились, благодаря стратегическому положенію города, получившемуся во время этой войны. Союзники выстроили длинную стѣну отъ Коринѳа къ заливамъ, чтобы загородить спартанцамъ проходъ черезъ Истмъ, и заняли позиціи къ сѣверу отъ стѣны, предоставляя южную большую часть коринѳской территоріи разорительнымъ набѣгамъ непріятели. Хотя коринѳскимъ землевладѣльцамъ предложили перевести свой скотъ и движимость за оборонительную загородку, но ихъ убытки все же были столь чувствительны, что они стали склоняться къ миру со Спартой. Постепенно они заняли угрожающее положеніе, вооружились и нагнали панику на правившую въ Коринѳѣ плутократію, которая только что получила отъ персовъ субсидію. Правители рѣшили предупредить друзей Спарты, вооружили простолюдиновъ и впустили въ городъ аргивянъ. Въ Коринѳѣ произошла жестокая рѣзня зажиточныхъ людей; большая часть землевладѣльческой партіи успѣла, однако, бѣжать къ спартанцамъ. Въ результатѣ переворота коринѳская олигархія банкировъ оказалась въ зависимости отъ аргивянъ, которые такъ существенно ей помогли: пришлось воссоединить Коринѳъ съ Аргосомъ въ одну нераздѣльную общину, и даже, по увѣренію Ксенофонта, Коринѳъ потерялъ свое собственное имя ²⁵.

Соціальная революція находила себѣ теоретическое оправданіе въ проповѣди коммунизма. Девяностые годы IV вѣка были временемъ развитія коммунистическихъ ученій: естественное право истолковывалось коммунистами въ смыслѣ общаго равенства людей (въ томъ числѣ рабовъ), равноправности женщинъ съ мужчинами и равнаго для всѣхъ права на богатства природы и на запасы капитала; въ обществѣ будущаго представляли себѣ уничтоженной не только частную собственность, но также семью, какъ источникъ эгоизма и опору накопленія, ведущаго къ неравенству; поэтому коммунисты настаивали на общности женъ и публичномъ воспитаніи дѣтей. Требования послѣдняго рода явно примыкали къ быту пролетаріевъ, которымъ было не по средствамъ содержать семью: не даромъ они стоятъ въ программѣ клиниковъ, философовъ, возвеличивавшихъ бѣдность. Но коммунистическія ученія оказывали воздѣйствіе на очень широкіе круги: имъ отдаетъ дань высоко-

аристократическій Платонъ. О степени ихъ популярности свидѣтельствуеъ комедія Аристофана «Женщины въ экклесіи» (*Ἐκκλησιαστικά*), представленная въ 392 г.

Сюжетъ комедіи напоминаетъ Лисистрату, вышедшую за 20 лѣтъ до того. Опять рѣчь идетъ о спасеніи общества мудростью женщинъ, опять онѣ захватываютъ верховную власть, опять женщинѣ выпадаетъ возвышенная роль прочитать социальную проповѣдь мужчинамъ. Только содержаніе рѣчей иное: героиня пьесы, Праксагора («проповѣдница дѣла»), развиваетъ коммунистическую теорію. Она обѣщаетъ аэинянамъ социальную реформу, въ силу которой исчезнетъ бѣдность и нищета, не будетъ больше обмана и завидованія чужому счастью, не будетъ злобной борьбы партій. «Не мѣшайте мнѣ развить мою рѣчь, пока вы не поймете весь планъ реформы въ цѣломъ. Какъ мнѣ кажется, все должно стать общимъ достояніемъ, и всякій долженъ быть въ правѣ имъ пользоваться. Прочъ порядокъ, въ которомъ одинъ богатъ, другой нищій, одинъ владѣетъ обширными имѣніями, а у другого нѣтъ мѣста даже для могилы, у одного цѣлая армія рабовъ, а у другого нѣтъ ни одной служающей души. Нѣтъ, пусть всѣ раздѣляютъ одинаковую участь, пусть всѣ живутъ настоящей общиной. Прежде всего я обращаю въ общее достояніе поля, а затѣмъ деньги и остальные виды владѣнія. Изъ этой общей сокровищницы *мы, женщины, будемъ кормить и одѣвать васъ, мужчинъ*, мы будемъ управлять старательно и бережливо и во всемъ давать отчетъ». Обыватель, слушающій коммунистическую проповѣдь, возражаетъ Праксагорѣ: «Что вы сдѣлаете, если богачъ скроетъ отъ васъ золото и серебро, не дастъ его въ общую казну? Вѣдь и сейчасъ съ нихъ ничего не получишь!». Пропагандистка отвѣчаетъ: «Да, такъ было до реформъ; но съ проведеніемъ коммунизма, утаиваніе частныхъ средствъ станетъ невыгоднымъ. Вѣдь не будетъ бѣдныхъ, и никто изъ-за бѣдности не станетъ служить другому, у всѣхъ будетъ всего вдосталь». Праксагора учитъ дальше, что общность имущества приведетъ къ уничтоженію семьи, къ общности женъ. «Но какъ же тогда узнавать дѣтей своихъ?», спрашиваетъ обыватель. «Это и не нужно,—отвѣчаетъ пропагандистка.—Всѣ люди старшаго поколѣнія будутъ считаться отцами поколѣнія младшаго». Она предполагаетъ, что въ обществѣ будущаго между людьми одного возраста будетъ больше солидарности, чѣмъ теперь, когда они разъединены индивидуальными интересами своихъ узкихъ семейныхъ кружковъ²⁶.

Можно спорить о томъ, сочувствовалъ ли Аристофанъ коммунизму. Мы хотѣли бы только обратить вниманіе на то, что новое социальное ученіе—не случайный придатокъ пьесы, а ея центръ, ея самый ягу-

чий пунктъ. Глушленія надъ коммунизмомъ у Аристофана, вообще склоннаго къ пародіямъ, не видно. Если во время распаленія жестокой внѣшней войны, Аристофанъ не боялся проповѣдовать миръ, то отчего не допустить, что и въ данномъ случаѣ, среди дикаго столкновенія классовъ, онъ надѣялся найти выходъ въ видѣ широкой мирной соціальной реформы. Но оставимъ даже въ сторонѣ вопросъ о симпатіяхъ Аристофана; остается несомнѣнный фактъ его великаго интереса къ соціальному вопросу и затѣмъ его важное свидѣтельство въ пользу того, что коммунизмъ болѣе всего захватывалъ женщинъ. Это обстоятельство не удивитъ насъ послѣ того, что мы знаемъ о паденіи индивидуальных хозяйствъ, о разстройствѣ семейнаго быта, о необходимости для женщинъ искать самостоятельнаго заработка. Масса женщинъ очутилась теперь лицомъ къ лицу съ общественной жизнью, отъ которой онѣ были загорожены дѣятельностью мужчинъ и хозяйственной, и политической. Но имъ пришлось выступить въ моментъ тяжелаго общественнаго кризиса, среди разоренія и упадка энергіи, когда часть мужской интеллигенціи была захвачена разочарованіемъ и ударились въ апатію, сонный аскетизмъ и тихое бродяжничество. Женщины, пришедшія на арену соціальной борьбы со свѣжими силами и неиспорченной фантазіей, скорѣе были способны отдаться идеалистической программѣ коммунизма и увѣровать въ ея спасительность.

Возрожденіе завоевательной политики Аѳинъ. Коммунисты явно располагали множествомъ сторонниковъ въ Аѳинахъ и сумѣли сильно возбудить демосъ. Въ виду ихъ успѣха правящимъ демагогамъ, принадлежавшимъ къ классамъ состоятельнымъ, приходилось искать все новыхъ и новыхъ средствъ противъ грозившей соціальной революціи. Въ то время, какъ въ Коринѣ, Аргосѣ и другихъ общинахъ то и дѣло вѣнхивали кровавыя столкновенія, аѳинскіе политическіе вожди, поддерживая славу своего искусства, успѣвали провести государственный корабль среди бушующихъ соціальныхъ стихій. Въ самый годъ представленія комедіи Аристофана прошла реформа Агиррія, который ввелъ *μισθὸς ἐκκλησιαστικὸς*, т.-е. плату за посѣщеніе народнаго собранія, настоящее жалованіе пролетаріямъ²⁷. Выдача пайковъ за участіе въ эkkлeсiи показываетъ мѣру обѣднѣнія аѳинскаго демоса: ремесленнику, лавочнику, моряку, садоводу и пр. нельзя было отрываться даромъ отъ своихъ обычныхъ занятій даже для голосованій въ общихъ собраніяхъ; такъ плохи стали заработки. Въ свою очередь банкирамъ и коммерческимъ людямъ, державшимъ въ рукахъ фактически управленіе, эта выдача помогала сохранять демократическое приличіе и разставлять декорации народнаго верховенства.

Возвращеніе къ бюджету раздачъ неизбѣжно влекло за собой не-

обходимость возобновленія богатой казны, т.-е. энергичнаго веденія прежней внѣшней политики Аѳинъ. Въ это время въ Коринѣской войнѣ выдвинулся талантливый аѳинскій стратегъ Ификратъ, принадлежавшій къ молодому поколѣнью. Ификрату пришлось командовать пестрымъ составомъ наемниковъ, набранныхъ частью въ полудикихъ мѣстностяхъ западной Греціи. Они приходили съ луками и дротиками, безъ латы, а для вооруженія ихъ гоплитами не хватало средствъ у нанимателей. Ификратъ, приспособляясь къ этой нуждѣ, создалъ военную реформу; онъ выработалъ изъ своихъ солдатъ особый строй пелтастовъ, далъ имъ небольшой круглый щитъ (πέλιτη) вмѣсто стараго тяжелаго, легкую защитную обувь для быстрыхъ передвиженій и снабдилъ длинными копьями. Свою легкую пѣхоту онъ приучилъ къ дѣйствіямъ изъ засады и быстрымъ фланговымъ атакамъ, которыя приводили въ разстройство тяжеловѣсныхъ пелопоннесскихъ гоплитовъ.

Коринѣскіе эмигранты помогли спартамцамъ прорвать загражденіе на Истмѣ. Агесилай появился съ большимъ пелопоннесскимъ войскомъ, занялъ коринѣскую гавань Лехей у западнаго залива и готовился уже осадить Коринѣ. Совершенно неожиданно Ификрату удалось окружить и уничтожить цѣлый отрядъ спартанскаго ополченія; Агесилай долженъ былъ отступить въ Пелопоннесъ. Побѣда Ификрата—повтореніе Сфактеріи въ болѣе обширныхъ размѣрахъ—произвела сильное впечатлѣніе во всей Греціи. Побѣдитель возымѣлъ широкіе планы: онъ собирался утвердиться на Истмѣ и сдѣлать Коринѣ передовой позиціей расширенной аѳинской территоріи. Но въ Аѳинахъ съ этой политикой не были согласны, можетъ быть, не одобряли чрезмѣрной самостоятельности молодого командира: Ификрата смѣстили и отозвали домой. Спартамцы пришли въ отчаяніе отъ неудачъ: они рѣшили бросить гордый націоналистическій планъ завоеванія Азіи, предоставить малоазійскихъ грековъ ихъ собственной участи и по-старому облизиться съ персами. Съ цѣлью вести переговоры въ этомъ смыслѣ въ Азію былъ отправленъ Анталкидъ, оказавшійся чрезвычайно искуснымъ дипломатомъ. Союзники, Аѳины, Оивы, Аргосъ, Коринѣ, послали въ свою очередь делегатовъ для того, чтобы парализовать спартанскую миссію; во главѣ посольства стоялъ неутомимый Кононъ.

Обѣ делегаціи встрѣтились у сатрапа Тирибаза, главнокомандующаго персидскихъ войскъ въ Малой Азіи. Ксенофонтъ драматизируетъ положеніе, влагая въ уста Анталкида рѣчь, которая дѣйствительно хорошо выражаетъ суть спартанской политики. «Я предлагаю отъ имени своей державы миръ, и притомъ въ формѣ, какой уже давно желаетъ великій царь. Лакедемоняне болѣе не будутъ оспаривать его притязаній на греческіе города Малой Азіи, на *автономію* же островныхъ

и вообще всѣхъ остальныхъ греческихъ общинъ они *согласны*. А разъ таковы наши намѣренія, зачѣмъ же грекамъ возставать противъ насъ, зачѣмъ царю воевать съ нами и тратить деньги даромъ? Вѣдь въ свою очередь царю нечего опасаться войны ни со стороны аѳинянъ, разъ мы ихъ не станемъ поддерживать, ни съ нашей, разъ мы *добьемся автономіи* всѣхъ общинъ»²⁸. Тирибазу очень понравилась рѣчь Анталкида, но она крайне неприятна была посламъ противной стороны. При объявленіи общей автономіи аѳинянамъ угрожала не только потеря вновь пріобрѣтенныхъ позицій на островахъ и въ проливахъ, но даже утрата Лемноса, Имброса и Скироса, которые были гарантированы миромъ 404 года; ѳиванцамъ грозилъ конецъ ихъ господства надъ городами Беотіи; Аргосъ долженъ былъ разойтись съ Коринѳомъ. Дѣйствительно, рѣчь Анталкида—нѣчто классическое: пользуясь идеально-греческимъ словечкомъ «автономія», онъ доводитъ это понятіе до крайности и превращаетъ его въ орудіе полного раздробленія Греціи и въ средство приниженія ея общинъ подъ команду Спарты. Персы въ свою очередь были въ восторгѣ отъ великолѣпной формулы, которая открывала имъ возможность свободно распоряжаться въ греческихъ отношеніяхъ. Ни аѳиняне, ни ѳиванцы не могли предложить имъ ничего подобнаго. Для персовъ поэтому не было выбора; кромѣ того, сказалось и традиціонное недовѣріе къ Аѳинянамъ. Тирибазъ отложилъ отвѣтъ до рѣшенія великаго царя, а пока бросилъ Конона въ тюрьму, откуда герою аѳинскаго возрожденія не суждено было болѣе выйти.

При дворѣ великаго царя не рѣшались нѣкоторое время на сближеніе со Спартой. Но аѳиняне сами испортили свои отношенія съ персами; они стали поддерживать Эвагора кипрекаго въ его возстаніи противъ царя. Пользуясь тѣмъ, что въ Эгейскомъ морѣ не было значительнаго флота противника, аѳиняне впервые рѣшились на морскую экспедицію; во главѣ аѳинскихъ кораблей сталъ послѣдній боецъ великаго вѣка Аѳинъ, Эрасибуль, который внесъ въ колониальную войну всю энергію и разносторонность, заключенную въ его талантъ. Эрасибулю, собственно говоря, было дано порученіе подать помощь демократіи Родоса, возставшей противъ Спарты; онъ повелъ, однако, экспедицію на свой рискъ въ совершенно другую сторону въ духѣ предпріятій Алкивіада, съ которымъ блистательно прошелъ кампанію 411—408 годовъ. Эрасибуль двинулся вдоль береговъ Фракіи къ Геллеспону и подчинилъ Аѳинянамъ одну за другой всѣ станціи проѣзда черезъ проливы, острова Тасосъ и Самоѳракію, берега Херсонеса и, наконецъ, оба важные пункта у входа въ Босфоръ, Византію и Калхедонъ. Аѳинянамъ опять былъ обезпеченъ свободный провозъ хлѣба изъ Чернаго моря. Еще важнѣе было то, что Эрасибуль возстановилъ въ Визан-

ти афинскую таможену, взимавшую пошлину со всѣхъ товаровъ, которые проходили проливъ; такимъ образомъ, Афины опять получили источникъ доходовъ, составлявшій немалую долю ихъ бюджета въ эпоху Пелопоннесской войны. Эрасибулъ отправился дальше на югъ, привлекъ на сторону Афинъ о. Лесбосъ, города Клазомены и Галикарнассъ у побережья Малой Азии: онъ какъ бы возстановлялъ вѣхи прежней афинской державы. Всюду онъ поддерживалъ демократическую партію, опрокидывалъ олигархію, опиравшіеся на спартанскую помощь, и выгонялъ гармостовъ. Но приходилось также прибѣгать къ новымъ для афинянъ и довольно пестрымъ приемамъ. На Лесбосѣ, чтобы имѣть поддержку крупнаго города Митилены, Эрасибулъ обѣщаль митиленцамъ уничтоженіе автономіи другихъ городовъ—программа, прямо противоположная поведенію афинянъ въ эпоху ихъ старой ἀρχή. На Лесбосѣ, въ качествѣ противниковъ Спарты, Эрасибулъ засталъ множество эмигрантовъ изъ разныхъ общинъ Греціи; всѣмъ имъ онъ обѣщаль возстановленіе въ правахъ на родинѣ.

Этотъ афинянинъ стараго закала старался воскресить прежнюю державу съ ея одностороннимъ господствомъ центральной общины, правящей безъ союзаго конгресса, примѣняющей взносы союзниковъ на свои собственные цѣли. Эрасибулъ производилъ всюду реквизицію денегъ, и только на эти средства существовала его эскадра. Въмѣстѣ съ возрожденіемъ широкихъ завоевательныхъ плановъ оживали бурные нравы афинской экклесіи. Попрежнему стали вспыхивать раздуваемый демагогами зловѣщій огонекъ зависти толпы къ счастливымъ и слишкомъ самостоятельнымъ стратегамъ: Эрасибула успѣли обвинить въ тиранническихъ замыслахъ, въ утайкѣ денегъ, и ему предстоялъ процессъ, когда при высадкѣ на берегу Памфилии, куда онъ явился за деньгами, его убили. Кажется, обвиненіе противъ Эрасибула выдвинулъ демагогъ Агиррій, потому что, слѣдомъ за смертью знаменитаго стараго стратега, команду поручили именно ему. Сподвижники Эрасибула, Эргоклъ и Тимократъ, были вызваны домой на судъ и подверглись казни (389 г.). Афины не могли удержать завоеваннаго положенія; главная причина заключалась въ ничтожествѣ ихъ флота. Мало того, что не хватало средствъ для построенія кораблей; бѣда была въ томъ, что афиняне безвозвратно потеряли свое техническое превосходство на морѣ. Пелопоннесскіе моряки безнаказанно нападали теперь на берега Аттики и довели свою дерзость до того, что ворвались однажды въ Пирей.

Царскій миръ. Упорная война, тянувшаяся около 8 лѣтъ, не приносила рѣшенія. Выходъ былъ найденъ, наконецъ, благодаря дипломатическому искусству спартанцевъ. Авторъ мирныхъ предложеній

390 г., Анталкидъ, получилъ назначеніе быть навархомъ, но предпочелъ покинуть на время свой постъ для того, чтобы съѣздить въ Сузу ко двору великаго царя. Онъ привезъ оттуда миръ, вполне согласный съ программой, которая была представлена въ свое время Тирибазу: малоазійскіе города отходятъ къ персамъ, Спарта сохраняетъ все свои владѣнія и права на господство въ Греціи, противники должны разоружиться по принципу автономіи. Анталкидъ достигъ очень важнаго результата, получивши поддержку персидскаго царя, но предстояло не менѣе крупное дѣло заставить Аѣины принять миръ. Спартѣ помогъ новый дипломатическій успѣхъ: она заручилась содѣйствіемъ давнишняго врага Аѣинъ, Діонісія Сиракузскаго, у котораго именно теперь развязались руки съ окончаніемъ борьбы противъ Карфагена. Діонісій прислалъ эскадру въ 20 кораблей, присоединившуюся въ Геллеспонтѣ къ пелопоннесцамъ. Съ этими силами Анталкидъ загородилъ аѣинскому флоту выходъ въ Эгейское море и отрѣзалъ сообщеніе съ Аѣинами. Получилось положеніе, похожее отчасти на 405 г., когда Лисандръ, завладѣвъ проливами, задержалъ подвозъ хлѣба и угрожалъ Аѣинамъ голодовкой. Слабый флотъ аѣинявъ не могъ и думать о прорывѣ; оставалось принять мирныя предложенія тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ они не грозили полнымъ разгромомъ Аѣинъ: Спарта сама не хотѣла доводить противника до крайности.

Миръ, заключенный въ 387 г. (или 386 г.), извѣстенъ въ исторіи, какъ Анталкидовъ, по имени своего инициатора. Но его официальное названіе, подъ которымъ онъ и слылъ у современниковъ—*ἡ βασιλέως εἰρήνη*, царскій миръ. Это необычное названіе выдѣляетъ ярко новый фактъ въ исторіи Греціи, именно властное вмѣшательство восточнаго самодержца, который пользуется равновѣсіемъ ослабленныхъ воюющихъ сторонъ и выступаетъ не только посредникомъ, но прямо рѣшающей, предписывающей инстанціей.

Мирный трактатъ имѣлъ видъ договора царя съ греками и гласилъ слѣдующее: «Царь Артаксерксъ считаетъ справедливымъ, чтобы города азіатскаго берега остались за нимъ, а изъ острововъ Клазомены и Кипръ; другіе же греческіе города, малые и большіе, должны получить автономію, кромѣ Лемноса, Имброса и Скироса, остающихся, согласно старинному порядку, за Аѣинами. Все тѣ, кто не примутъ этого мира, будутъ имѣть дѣло со мною: я буду съ ними воевать, опираясь на помощь добровольныхъ союзниковъ, на сухомъ пути, на морѣ, посредствомъ флота и денежныхъ субсидій»²⁹.

Прежде всего замѣчательенъ тонъ этого официального документа. Такъ еще не говорилъ съ греками персидскій владыка съ тѣхъ поръ, какъ устами Ксеркса персы требовали отъ нихъ земли и воды. Въ

сравненіи съ договорами 412 и 411 года, заключавшими важныя уступки царю, трактатъ 387 г. рѣзко выдѣляется въ худшую для грековъ сторону. И тогда царю отдавались азіатскія греческія общины, но въ томъ случаѣ спартанцы и царь договаривались, какъ равныя силы; теперь царь выступалъ съ одностороннимъ рѣшеніемъ, одинаково обиднымъ для всѣхъ грековъ, спартанцевъ такъ же, какъ и остальныхъ. Окончательная потеря большой греческой территоріи была неминуемымъ результатомъ положенія вещей, которое такъ драматично выразилось въ самомъ текстѣ договора. Только крупная объединенная сила большой части греческихъ общинъ могла оспаривать у персидской державы обладаніе моремъ и всѣми окружающими море берегами; такой силы не имѣли въ 387 г. ни Спарта, ни ея противники.

Царскій миръ представляетъ не только побѣду персидской политики, онъ также, хотя косвенно, но очень существенно возстановляетъ перевѣсъ Спарты въ Греціи, именно объявленіемъ автономіи. Реально говоря, оно означало расторженіе всѣхъ объединеній: прежде всего возстановленной морской державы Аѳинъ, затѣмъ объединенной Беотіи подѣ главенствомъ Фивъ, наконецъ, соединенія Коринѳа и Аргоса. Безсильные сами объединить грековъ и держать ихъ силой оружія подѣ своимъ началомъ, спартанцы хотѣли, по крайней мѣрѣ, имѣть передѣ собой раздробленныхъ, распыленныхъ противниковъ, чтобы справиться съ ними поодиночкѣ. Расторженіе связи между Коринѳомъ и Аргосомъ открывало имъ свободный путь черезъ Истмъ; уничтоженіе верховенства Фивъ надѣ Беотіей обезпечивало имъ вліяніе въ Средней Греціи; наконецъ, разрушеніе морскихъ и колоніальныхъ опоръ Аѳинъ освобождало Спарту отъ опасности блокады Пелопоннеса; оно дѣлало Эгейское море нейтральнымъ. Только съ Аѳинами, которыя успѣли оправиться послѣ кризиса 404 г., Спарта должна была считаться; отсюда уступка острововъ сѣверной части Эгейскаго моря, составлявшихъ защитныя станціи аѳинской торговли съ Черноморьемъ, — уступка тѣмъ болѣе возможная, что коммерческой расцвѣтъ Аѳинъ безъ военнаго флота былъ не опасенъ для Спарты.

Торжество Спарты надѣ раздробленной Греціей. Спартанское правительство поспѣшило выместить свой гнѣвъ на невѣрныхъ или подозрительныхъ союзникахъ. Оно произвело цѣлый рядъ расправъ въ духѣ раздробленія объединенныхъ общинъ; эти расправы были въ то же время торжествомъ реакціонныхъ олигархическихъ партій надѣ демократами.

Въ Беотіи спартанцы усердно содѣйствовали кучкамъ денежныхъ людей забрать власть въ свои руки, въ случаѣ нужды отправляя на помощь своихъ гармостовъ и гарнизоны. Такъ, они водворили господство

олигархическихъ клубовъ въ Теспяхъ и Орхоменѣ. Относительно Эивы спартанцы рѣшили выждать болѣе удобнаго момента; пока они ограничили возобновленіемъ разрушенныхъ стѣнъ Платей, стараго соперника эиванцевъ. Возрожденныя Платей призваны были играть въ отношеніи Аѳинъ роль, не похожую на прежнюю: городъ образовалъ передовой постъ спартанцевъ въ Средней Греціи, вбитый клиномъ между Эивами и Аѳинами, чтобы мѣшать ихъ соединенію.

Особенно характеренъ разгромъ Мантиней въ Аркадіи. Въ свое время, пользуясь затрудненіями Спарты, демократы маленькаго горнаго кантона произвели синоикизмъ нѣсколькихъ деревень и обвели свой новый городъ Мантинеею крѣпкой стѣной. Спартанцы потребовали теперь срыгнутія укрѣпленій и, получивши отказъ, приступили къ осадѣ; скоро Мантинеея вынуждена была сдаться, и тогда произошло дѣйствіе, обратное синоикизму, *діойкизмъ*, т. е. разселеніе по деревнямъ. Ксенофонтъ, враждебный демократамъ, рассказываетъ объ этомъ такъ: «разружилась (διφραστον) Мантинеея на четыре части, какъ въ старину жилища. Въ первую минуту мантинейцы едва могли перенести мысль, что придется ломать дома и опять строить новые. Но потомъ они утѣшились: и вѣдь теперь, вернувшись въ деревни, они были ближе къ своимъ имѣніямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они отдѣлались отъ несносныхъ демагоговъ и ввели у себя аристократическій порядокъ»³⁰. Ясно, въ чемъ тутъ дѣло и какимъ мантинейцамъ доставилъ удовольствіе діойкизмъ. Зевксилевладѣльцы, напуганные организаціей демоса въ городѣ, т. е. купцовъ, ремесленниковъ и рабочихъ, рѣшили отказаться отъ выгодъ большого рынка, стать подъ протекторатъ сосѣдняго государства и понести жертвовать независимостью, только бы спасти свои имѣнія; и они разрушили свой политическій бытъ. Интересна еще одна подробность мантинейскаго разгрома, передаваемая Ксенофонтъ. Сдавшіеся Спартѣ демократы боялись, что побѣдители выдадутъ ихъ олигархической партіи, которая немедленно подвергнетъ ихъ казни. Они встрѣтили покровительство въ лицѣ изгнаннаго царя Павсанія, проживавшаго вблизи, и получили позволеніе выйти изъ города; въ числѣ 60 они прошли сквозь строй спартанскихъ солдатъ, которые, говоритъ Ксенофонтъ, удержались отъ всякаго выраженія злобы, но совѣмъ не такъ повели себя «лучшіе граждане» Мантиней; такимъ образомъ вѣршіе враги охраняли эмигрантовъ отъ ихъ собственныхъ согражданъ, распаленныхъ партійной ненавистью.

Самой крупной экзекуціей со стороны спартанцевъ былъ ихъ походъ на дальній сѣверъ для раздробленія большого Халкидскаго союза. Начало объединенія халкидянъ относится ко времени экспедиціи Брасида, когда дѣло шло объ освобожденіи городовъ полуострова отъ

Афинъ; одновременно имѣлось въ виду обезпечить себя со стороны македонскихъ царей, подбиравшихся къ берегу моря. Объединеніе состояло въ томъ, что отдѣльные города отказывались отъ финансовой самостоятельности, отъ чекана монеты и т. п. и допускали свободу заключенія браковъ и передачи имущества между гражданами разныхъ общинъ. Главнымъ городомъ сталъ Олинѳъ, который очень выросъ въ качествѣ складочнаго пункта, порта и правительственнаго центра; сюда перебралась, вѣроятно, часть жителей другихъ городовъ, примкнувшихъ къ союзу. Халкидское объединеніе носило названіе *κοινόν*, что можетъ быть передано средневѣковымъ *commune*. Въ 383 году въ Спартѣ появились делегаты двухъ халкидскихъ общинъ, Аполлоніи и Аканѳа, не присоединившихся къ союзу, и принесли жалобу на Олинѳъ. Большая объединенная община грозитъ, по ихъ словамъ, всѣмъ: Олинѳъ притянулъ къ себѣ даже Пеллу, ближній городъ Македоніи; царь македонскій Аминта боится за участь своихъ владѣній; когда объединенные халкидяне овладѣютъ Потидеей, въ ихъ рукахъ будетъ весь большой полуостровъ; они создадутъ флотъ, начнутъ добывать золото изъ еракійскихъ рудниковъ и составятъ себѣ силу изъ еракійскихъ наемниковъ; если Спарта не допускаетъ объединенія Беотіи, то неужели она потерпитъ образованіе на сѣверѣ несравненно болѣе крупной державы.

Спарта очень охотно согласилась на разгромъ Олинѳа. Для организаціи дальняго похода она перешла на денежное хозяйство: союзники обязались доставить вмѣсто ополченцевъ по статеру (или двѣ драхмы) въ день на человѣка; это составило недурное жалованье для уплаты наемникамъ; безъ сомнѣнія, не малая доля осталась въ рукахъ правящей плутократіи. Пелопоннесскій отрядъ направился черезъ Среднюю Грецію, Эссалию и Македонію къ Халкидикѣ. Олинѳская война затянулась на три года. Спартѣ пришлось посылать одну за другой нѣсколько экзекуціонныхъ армій. Сосѣдніе варвары, еракійцы и македоняне, усердно помогали дѣлу разрушенія большой греческой коммуны. Наконецъ, стѣсненный превосходными силами, Олинѳъ сдался; разьединенныя халкидскія общины вынуждены были вступить въ пелопоннесскій союзъ. Отъ приниженія Олинѳа выиграла больше всего Македонія: расположенные на македонскомъ берегу греческіе города лишились охраны великой халкидской общины и легко достались варварскому царю.

Во время олинѳскихъ походовъ на долю Спарты выпалъ еще одинъ успѣхъ. Начальникъ втораго отряда, направлявшагося на сѣверъ, Фебидъ, проходя по Беотіи, задержался у Фивъ и, по соглашенію съ эиванскими олигархами, привелъ въ исполненіе давнишній планъ своего правительства. Въ это время высшія должности полемарховъ въ Фивѣ

вахъ занимали Исменій и Леонтиадъ, представители двухъ враждующихъ партій. Леонтиадъ отправился къ Фебиду и предложилъ ему занять цитадель Оивъ, Кадмею, въ то время, какъ все мужское населеніе будетъ отвлечено праздничной процессіей. Когда спартанцы вступили въ замокъ, Леонтиадъ созвалъ собраніе совѣта и отдалъ приказъ арестовать Исменія; сторонники послѣдняго, захваченные врасплохъ, бѣжали изъ города въ числѣ 300 человекъ. Въ Спартѣ переворотъ, устроенный Фебидомъ, вызвалъ одобреніе; правительство лицемѣрно приговорило командира за самоволіе къ денежному штрафу, но и не подумало взыскивать денегъ, а главное—оставило его распоряжаться въ Оивахъ. Къ одной политической лжи Спарта прибавила еще другую. Надо было во что бы то ни стало отдѣлаться отъ Исменія. Составили какъ бы междуобщинный судъ изъ трехъ спартанцевъ и нѣсколькихъ союзниковъ: Исменія обвинили въ томъ, что онъ сочувствовалъ варварамъ, поддерживалъ ихъ ко вреду грековъ, заключилъ тѣсный союзъ съ великимъ царемъ, бралъ у послѣдняго деньги и вообще виноватъ во всѣхъ смутахъ, раздирающихъ Грецію. Любопытно, что спартанцы приписали всѣ свои дѣла, увѣнчанныя миссіей Анталкида, беззащитному политическому противнику, попавшему въ ихъ руки; при этомъ они не постыдились принять націоналистическую позу и очернить его словечкомъ βαρβαρίζειν³¹, т.-е. обвинить въ «сочувствіи варварамъ»; этотъ терминъ остался единственнымъ воспоминаніемъ отъ эпохи возрожденія общегреческой патріотической программы 399 года, и въ партійныхъ спорахъ его продолжали перебрасывать другъ другу въ качествѣ ходячаго упрека. Исменій былъ казненъ, и въ Оивахъ водворилась олигархія, по греческому выраженію δυναστεία.

Монархическое объединеніе на окраинѣ греческаго міра. Въ то время, какъ метрополія дошла до послѣдней степени раздробленности, одна изъ большихъ колониальныхъ областей, Сицилія, напротивъ, успѣла объединиться. По поводу этого объединенія, и особенно въ связи съ послѣдующей объединительной ролью Македоніи, въ наукѣ XIX вѣка очень много говорилось о политической неспособности грековъ, о слабости націоналистической идеи въ республикахъ, о важности монархическаго начала для консолидаціи народа и т. п. Новѣйшіе монархисты, въ особенности въ классической странѣ преклоненія передъ самодержавіемъ, въ Германіи, находили въ событіяхъ IV вѣка наглядные уроки въ пользу своей политической программы. Собственно спорить противъ того, что упорная привязанность грековъ къ автономіи мѣшала объединенію, и далѣе, что объединеніе удалось монархамъ, не приходится, но вѣдь положенія эти недалеки отъ простой тавтологіи; они ничего не объясняютъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ понять,

отчего въ извѣстныхъ условіяхъ автономія держалась дольше, въ другихъ скорѣ пала; затѣмъ уяснить, какія обстоятельства вели къ образованію монархіи, и, наконецъ, опредѣлить, какая была реальная цѣна всеѣмъ этимъ объединеніямъ и бюрократизаціямъ бывшихъ греческихъ республикъ. Событія, развернувшіяся на западной окраинѣ греческаго міра, даютъ очень ясный и обстоятельный отвѣтъ на наши вопросы.

Въ 415—413 гг. во время борьбы между Аѣнами и Сиракузами рѣзко обнаружилась разьединенность сицилійскихъ грековъ. Хотя было совершенно ясно, что въ случаѣ успѣха подѣ Сиракузами аѣняне предпримуть завоеваніе всего острова, однако даже дорійскіе единоплеменники Сиракузъ, большіе города южнаго побережья, Селинунтъ, Акрагантъ, Гела, Камарина, не поддержали крупнѣйшей общины Сициліи во время опаснаго кризиса, который она переживала. Сиракузы отбили аѣнянъ почти исключительно своими силами и скорѣ при нѣкоторомъ содѣйствіи европейскихъ грековъ, чѣмъ ближнихъ островитянъ. Еще поразительнѣе было разьединеніе интересовъ въ средѣ сицилійскихъ грековъ, когда слѣдомъ за аѣнской опасностью надѣ Сициліей разразился кризисъ несравненно болѣе тяжелый—нашествіе караѣгенскихъ наемныхъ войскъ.

Колоніальная политика Караѣгена. Хотя исторія Караѣгена не входитъ въ нашу задачу, но нѣсколько словъ о завоевательномъ движеніи большой финикійской республики необходимо сказать. Караѣгенское правительство, по существу синдикатъ крупныхъ торговцевъ, вообще вело войны неохотно. Оно старалось главнымъ образомъ вовлекать въ обмѣнъ все новыя и новыя страны западной части Средиземнаго моря. Въ торговый кругъ Караѣгена постепенно вошли побережья Африки, нумидійское и мавританское, южная часть Пиренейскаго полуострова, берегъ Италіи, обращенный къ Тирренскому морю и острова, Балеары, Корсика, Сардинія и западный край Сициліи. Только въ южной части Италіи и на Сициліи караѣгеняне встрѣтились съ греками. Вопросы собственно коммерческіе, кажется, не могли бы здѣсь повести къ непримиримымъ столкновеніямъ. Съ греческими общинами африканскіе финикійцы обмѣнивались не безъ выгоды. Напр., Акрагантъ, большой городъ, размѣрами превосходившій Аѣны, вывозилъ въ Караѣгенъ хлѣбъ, оливковое масло, вино, получая взамѣнъ золото и слоновую кость изъ Африки.

Воинственныя выступленія Караѣгена являются скорѣ косвеннымъ произвольнымъ результатомъ мирной политики торговаго капитала. Дѣло въ томъ, что, забираясь въ глубь некультурныхъ странъ, выискивая ихъ богатства, караѣгеняне поднимали жадность въ средѣ полудикихъ племенъ, жившихъ до тѣхъ поръ сонной пассивной жизнью вбли-

зи своихъ непочатыхъ сокровищъ; благодаря обмѣну съ пріѣзжими туземцы научились цѣнить золото и серебро; около рудниковъ, къ усиленной эксплуатаціи которыхъ понуждали чужіе коммерсанты, поднялась настоящая горячка. Мѣстами разрозненныя племена соединялись въ воинственныя группы, чтобъ вытѣснить иностранныхъ эксплуататоровъ и взять предприятия, затѣянные ими, въ свои руки; съ другой стороны, возникали дружины удалцовъ, готовые двинуться по путямъ, открытымъ чужими предпринимателями, но въ обратномъ направленіи, и мечтавшіе добратся до сказочнаго хранилища богатствъ, собранныхъ ими. Искусные и энергичные купцы подняли легионъ воинственныхъ духовъ, съ которыми они не знали, какъ и справиться. Исходъ былъ одинъ: примѣнять взбудораженныхъ воителей на службѣ своихъ интересовъ гдѣ-нибудь вдали отъ родины; отсюда у Картагена массы наемниковъ, ливійцевъ, нумидійцевъ, мавровъ изъ Африки, иберовъ съ Пиренейскаго полуострова, кельтовъ изъ пріальпійскихъ странъ и кампанцевъ изъ южной Итали. Лучшими ихъ организаторами и вождями становились намѣстники картагенскихъ колоній, приходившіе въ столкновение съ воинственными туземцами. Купеческая республика крайне нуждалась въ ихъ услугахъ; они являлись посредниками въ наймѣ и обученіи колониальныхъ солдатъ; черезъ ихъ посредство Картагенъ откупался отъ безпокойныхъ дружинъ, съ другой стороны, бывшему командиру, который въ колоніи пользовался неограниченнымъ вліяніемъ, потомъ не сидѣлось дома. Отсюда предпримчивость Ганнибаловъ, Гамилькаровъ и Магоновъ картагенской исторіи, которые большею частью начинали новыя колониальныя войны на свой страхъ и рискъ, какъ свое частное дѣло, и заставляли торговую республику лишь поневолѣ втягиваться въ свои крупныя авантюры: они покоряли большія территоріи, а для этой цѣли водили кельтовъ и мавровъ въ Испанію, иберовъ и кампанцевъ—въ Сицилію и т. п.

Эти предприятия картагенскихъ конкистадоровъ составляютъ войны особаго типа. Полудикія племена приносили свое оружіе и свои способности боя; вожди должны были примѣняться къ навязаннымъ имъ пестрымъ приемамъ тактики, но, съ другой стороны, они сами извлекали для себя много новаго въ смыслѣ военной техники: создавалась африканско-финикійская школа, выставившая за два столѣтія рядъ талантливыхъ вождей. Разноплеменными массами наемниковъ было трудно орудовать; они, правда, готовы были идти куда угодно, не такъ, какъ ополченцы, только и глядѣвшіе назадъ домой, но зато требовали скорого и громаднаго вознагражденія: командиръ долженъ былъ предоставлять имъ страну и особенно города на полное разграбленіе. Онъ не могъ долго задерживать жадныхъ наемниковъ на осадахъ: отсюда изоб-

рѣтеніе крупныхъ для того времени стѣнобитныхъ орудій, большихъ подвижныхъ башенъ, подкатываемыхъ къ стѣнамъ города; отсюда приемы отчаянныхъ штурмовъ, въ которыхъ для достиженія конечной цѣли жертвовали массой солдатъ и которые еще болѣе ожесточали и безъ того грубыхъ и безжалостныхъ наемниковъ; послѣ взятія города приступомъ къ грабежу жителей присоединялась страшная рѣзня. По своей жестокости, по вызванной ими паникѣ карфагенскія войны далеко оставляютъ за собой все то, что сицилійцы испытали до тѣхъ поръ въ столкновеніяхъ между собой и съ другими греками, включая и большое нападеніе аеинянъ въ 415 году.

Соціальныя условія паденія сицилійскихъ общинъ. Завоеваніе Сициліи облегчалось своеобразными общественными порядками, которые установились ко времени появленія карфагенянъ. Въ отношеніи иныхъ греческихъ общинъ, напр., тѣхъ, которыя лежали на южномъ берегу, мы ничего не слышимъ ни о сопротивленіи сельскихъ жителей, ни даже о ихъ бѣгствѣ въ города наподобіе перемѣщенія деревенской Аттики за стѣны Аеинъ и Пирея въ 431 г. Можно думать, что Селиунтъ и Акрагантъ и не имѣли значительной сельской территоріи; что же касается многочисленнаго городского населенія этихъ торговыхъ республикъ, то оно не отличалось воинственностью. Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ общинами юго-востока, Гелой, Камариной и особенно Сиракузами. Здѣсь сельскія территоріи были болѣе значительны и населеніе деревенское сильнѣе количествомъ; но по ихъ областямъ прошелъ кризисъ, невыгодный для военной защиты края. По причинамъ, которыя намъ не вполне ясны, можетъ быть, вслѣдствіе развитія городского капитала, геоморы, мелкіе и средніе землевладѣльцы, частью были вытѣснены съ земли; новые владѣльцы стягиваютъ небольшіе участки въ немногія крупныя имѣнія, для обработки которыхъ начинаютъ ввозить рабовъ.

Собственно говоря, ни одинъ изъ современныхъ писателей не далъ прямого изображенія въ этомъ смыслѣ. Но есть косвенныя указанія на такой аграрный переворотъ. Прежде всего можно замѣтить, что вскорѣ послѣ нашествія карфагенянъ, въ эпоху тиранніи Діонисія, крупное землевладѣніе занимаетъ очень видное мѣсто въ социальномъ строѣ Сициліи. Спрашивается, когда же именно подобный порядокъ сложился? Еще въ 20-хъ годахъ V вѣка демократическая партія Леонтинъ, сошедшихъ съ Сиракузами, требовала общаго раздѣла земель; такимъ передѣломъ могли интересоваться только незадолго до того изгнанные съ земли мелкіе владѣльцы, которые хотѣли возвратить свои прежніе участки. Значитъ, латифундіи стали возникать именно въ концѣ V вѣка. Съ другой стороны, въ литературѣ IV вѣка есть очень отчетливая картина земельныхъ порядковъ, которая, будучи явно списана съ ка-

кой-то дѣйствительности, не имѣеть, однако, подходящаго оригинала въ европейской Греціи; мы помнимъ изображеніе старинной Атики у Аристотеля и отмѣтили ея неумѣстность въ исторической связи, представленной авторомъ (гл. IV). Откуда взялъ писатель IV вѣка обширныя имѣнія, жалкихъ сельскихъ рабочихъ, ожесточенныхъ своимъ положеніемъ, соединяющихся въ революціонныя организаціи и требующихъ передѣла земель? Почти нѣтъ сомнѣнія, что онъ описывалъ социальную исторію Сициліи.

Если наша догадка правильна, то получается еще важное объясненіе быстрыхъ успѣховъ карфагенскаго завоеванія. Въ сицилійскихъ общинахъ было мало матеріала для гражданскихъ ополченій; здѣсь не имѣлось тѣхъ массъ гоплитовъ, которые составляли главный воинственный элементъ и самый надежный оплотъ общинъ европейской Греціи; что же касается массы обезземеленныхъ, то они и въ военнотехническомъ, и въ политическомъ смыслѣ едва ли могли считаться хорошими патріотами.

Гибель сицилійскихъ городовъ и приливъ населенія въ Сиракузы. Нашествіе карфагенянь на сицилійскихъ грековъ началось черезъ три года послѣ катастрофы аонянъ подъ Сиракузами. Съ большими сухопутными силами, поддерживаемый военнымъ и транспортнымъ флотомъ, двинулся Ганнибалъ изъ карфагенскихъ владѣній западной окраины острова и напалъ на Селинунтъ, въ свою очередь крайній къ западу греческій городъ южнаго побережья. Греки оказались совершенно не готовы къ этому стремительному нападенію; вооруженіе Селинунта было слабо, подкрѣпленіе изъ Сиракузъ не успѣло къ нему подойти. Несмотря на отчаянную защиту селинунтцевъ, стѣны города пали подъ натискомъ еще неслыханнаго африканскаго штурма. Гибель Селинунта показала грекамъ, что такое эти новые завоеватели: часть населенія была вырѣзана, другая—продана въ рабство, городъ жестоко разграбленъ и обращенъ въ развалины. Лишь немногимъ семьямъ удалось бѣжать и найти пристанище въ Акрагантѣ, ближайшемъ къ Селинунту большомъ городѣ южнаго побережья (409 г.). Несмотря на это испытаніе, сицилійскіе греки не спѣшили съ организаціей защиты. Причины отчасти заключались въ невоинственности общинъ, напр., богатаго Акраганта, отчасти въ соперничествѣ и взаимномъ недоувѣрїи городовъ; всѣ они обращались за помощію къ Сиракузамъ, какъ самой крупной общинѣ, но въ то же время всѣ боялись ея гегемонїи и не соглашались стать подъ ея начало. Въ Сиракузахъ сказывалась, можетъ быть, и старая безпечность, которая принесла столько вреда при столкновенїи съ Аонинами; тамъ долго не хотѣли понять, что карфагеняне надвигаются неудержимо и что съ паденіемъ сицилійскихъ городовъ, ближ-

нихъ на очереди, изолированныя Сиракузы не въ силахъ будутъ держаться.

Второе нападеніе Ганнибала послѣдовало на Гимеру, городъ сѣвернаго побережья Сициліи, единственную крупную колонію грековъ въ этой части острова. Къ Гимерѣ во-время подошелъ отрядъ сиракузянъ, предназначенный въ свое время для Селинунта, и подѣхалъ флотъ, только что освободившійся въ восточной греческой войнѣ, гдѣ онъ оперировалъ противъ аеинянъ. Однако сиракузскій командиръ Діоклъ, подъ давленіемъ какой-то паники, отказался отъ сопротивленія Ганнибалу и предложилъ жителямъ Гимеры покинуть свой городъ и переѣхать на его корабляхъ въ Сиракузы. Часть населенія Гимеры успѣла бѣжать, городъ на другой же день былъ взятъ штурмомъ, и карфагенскій вождь повлекъ массу плѣнниковъ, до 3.000, къ тому мѣсту, гдѣ за 70 лѣтъ назадъ палъ его дѣдъ Гамилькаръ (въ сраженіи при Гимерѣ 480 г. противъ Гелона сиракузскаго); всѣ они подвергнуты были жестокимъ истязаніямъ и смертной казни.

Въ 406 году Ганнибалъ началъ новую сицилійскую кампанію, на этотъ разъ направленную на Акрагантъ. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ, снабженъ обильнымъ провіантомъ и, благодаря этому, могъ выдержать осаду въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но внезапно его пришли защитники, между ними кампанскіе наемники (кампанцы были и въ карфагенскомъ лагерѣ), недовольные вознагражденіемъ, рѣшили уйти. Тогда акрагантинцы немедленно покинули защиту стѣнъ и рѣшили всѣмъ городомъ уѣхать на корабляхъ въ Сиракузы. Карфагеняне захватили въ Акрагантѣ громадную добычу и двинулись вдоль берега дальше на востокъ. Подъ Гелой и Камариной повторились тѣ же явленія, что видѣлъ Акрагантъ. Вспомогательная войска, въ томъ числѣ сиракузяне, бились неохотно, населеніе, опасаясь судьбы Селинунта и Гимеры, покинуло стѣны родного города, отдавъ его на произволъ судьбы, и перебралось на корабляхъ съ имуществомъ, какое можно было захватить, въ восточную часть острова, которая казалась безопасной отъ карфагенскаго нашествія. Греческая колонизація въ большей части Сициліи была въ буквальномъ смыслѣ слова стерта съ лица земли.

Бѣгущее населеніе прилиvalo къ Сиракузамъ, частью поселялось на сельской территоріи большой общины и внутри стѣнъ города; частью бѣженцевъ водворили въ области Леонтинъ, города, капитулировавшаго передъ Сиракузами. Происходилъ принудительный синойкизмъ въ громадныхъ размѣрахъ, очень выгодный для главнаго города. Въ пользу Сиракузъ постарался внѣшній врагъ, уничтожившій автономію другихъ греческихъ городовъ. Война обезличила и разсыпала граждан-

ство уничтоженныхъ общинъ, лишила ихъ корпоративной цѣлости и погнала ихъ населеніе въ видѣ разрыхленнаго матеріала къ одному центру; масса бѣжавшихъ естественно попала въ худшее социальное положеніе, напр., многіе были вынуждены идти въ сельскіе рабочіе на чужой владѣльческой землѣ. Сиракузы выиграли всячески: городъ освободился отъ соперниковъ въ торговлѣ, получилъ въ свое распоряженіе новыя платежныя и военныя силы; въ его области собралась половина населенія Сициліи.

Но въ неожиданномъ объединеніи были также свои опасности. Явленія, созданныя войной, отразились и на внутреннемъ бытѣ централизуемой общины. Приращеніе, полученное Сиракузами, было весьма своеобразно: городъ расширился, правда, но не отъ того, что выслали новыхъ колонистовъ или ввелъ въ свой составъ новыя земельныя пріобрѣтенія и новыя владѣльческія группы. Территорія осталась та же, но прибыли во множествѣ разоренные, сдвинутые съ земли, лишенные привычныхъ занятій люди; увеличились различныя бродячіе элементы. Въ поискахъ заработка и приложенія своихъ силъ часть ихъ, по крайней мѣрѣ, готова была броситься въ военный промыселъ, разъ уже вообще война сбила ихъ съ мѣста, лишила осѣдлости и профессіи. Въ Сиракузахъ получился новый огромный матеріалъ для наемничества. Въ свою очередь безъ примѣненія наемниковъ въ крупныхъ размѣрахъ нельзя было обойтись. Въ войнѣ съ Каррагеномъ, которая все разрасталась на островѣ, приближаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ Сиракузамъ, не хватило бы однѣхъ силъ гражданскаго ополченія, набиравшагося изъ стараго народнаго состава; съ другой стороны, некуда было дѣвать и нечѣмъ занять многочисленныя пришлыя неосѣвшія группы новаго населенія.

Въ то же время наемники получили въ Сициліи такой перевѣсъ надъ гражданствомъ, какъ нигдѣ. Въ метрополіи группы эмигрантовъ, разоренныхъ бродячихъ людей, никогда не скоплялись въ такомъ количествѣ, чтобъ поставить въ тѣнь и отодвинуть гражданство. Кромѣ того, въ Сициліи преобладаніе военныхъ элементовъ надъ гражданскими получило еще новую окраску. Необходимость вести войну противъ Каррагена въ очень крупныхъ, небывалыхъ до того, размѣрахъ заставила брать на службу, кромѣ грековъ, много постороннихъ, горцевъ внутренней Сициліи (сикановъ и сикеліотовъ), италическихъ (особенно кампанцевъ) и даже переманивать къ себѣ каррагенскихъ наемниковъ (напр., иберовъ). Чѣмъ пестрѣе и разнообразнѣе становился ихъ составъ, тѣмъ болѣе они удалялись отъ интересовъ гражданства. Въ общинѣ накоплялся грозный матеріалъ для социально-политическаго переворота. Программа его получалась также весьма опредѣленная: захватъ городской

казны и раздѣлъ земель; послѣдній пунктъ былъ особенно понятенъ той части наемниковъ, которые въ свою очередь образовались изъ согнанныхъ съ земли геоморовъ. Появленіе крупныхъ военныхъ силъ, грозившихъ соціальной революціей, выдвинуло на первое мѣсто въ политикѣ командировъ, и тому изъ нихъ, кто сумѣлъ наилучше организовать громаду наемниковъ, открылась возможность захватить верховную власть и прикончить республику. Начиная съ 406 года, всѣ эти явленія съ классической отчетливостью развертываются въ Сиракузахъ.

Паденіе сиракузской демократіи. Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ объ учрежденіяхъ и политическихъ нравахъ Сиракузъ. Фукидидъ говоритъ, что сиракузяне были очень похожи на аѳинянь своей первой подвижностью ³². Изъ частныхъ мы видимъ, что сиракузская демократія, существовавшая съ 466 года, присматривалась внимательно къ аѳинскому строю и вводила у себя чисто-аѳинскія установленія: таковъ петализмъ, тайное голосованіе (на листкахъ оливки) для выключенія тиранновъ, вполнѣ совпадающій съ остракизмомъ, порядокъ выбора должностныхъ лицъ по жребію, collegія номоэтовъ, т.-е. составителей систематической и нерушимой конституціи, раздробленіе командованія между многими стратегами и т. п. Особенно усердно въ Сиракузахъ заимствовали аѳинскія формы вслѣдъ за отраженіемъ аѳинскаго нашествія; сиракузское гражданство необыкновенно высоко оцѣнило законодательную дѣятельность Діокла, прославленнаго мудрымъ Солономъ Сициліи, а между тѣмъ, сколько можно судить, Діоклъ именно спѣшилъ перенести въ Сиракузы всѣ тѣ учрежденія, которыя казались особенно характерными въ строѣ великаго, только что побѣжденнаго соперника.

И, однако, Сиракузы пошли политическимъ путемъ, очень отличнымъ отъ Аѳинъ. Несмотря на введеніе образцовыхъ конституціонныхъ учреждений, общество здѣсь оставалось политически невоспитаннымъ. То и дѣло пытались захватить власть авантюристы, опираясь на организациі безпокойной молодежи (*νεώτεροι*). Они находили очень удобную почву для себя въ своеобразной политической апатіи, которую стали проявлять какъ разъ самые богатые и вліятельные люди въ Сиракузахъ. Діодоръ (приблиз. годы жизни 85—15 до Р. X.), очевидно, слѣдуя какому-то историку, хорошо наблюдавшему сиракузскія отношенія, приводитъ въ связь петализмъ и уклоненіе богатыхъ отъ политики; по его мнѣнію, страхъ передъ политическимъ изгнаніемъ заставлялъ крупныхъ и видныхъ гражданъ прятаться въ частной жизни и заботиться о наилучшемъ помѣщеніи капиталовъ внѣ превратностей политической борьбы ³³. Такимъ образомъ всѣ старанія демократіи искоренить тиранническія затѣи были мимо цѣли; обширные слои гра-

жданства уклонялись от службы республикъ и устраивали свои дѣла путемъ частыхъ организацій; они и не думали, разумѣется, помогать демократіи, когда для нея наступила опасность, а только спѣшили поскорѣе приспособиться къ новому режиму и новымъ властителямъ положенія.

Первую попытку военной тиранніи сдѣлалъ самъ организаторъ защиты Сиракузъ противъ аѳинянъ, Гермократь. Во время іонійской войны Гермократь, командовавшій сиракузской эскадрой на востокѣ, получилъ неожиданно отставку. Вмѣсто того, чтобы вернуться, по требованію демоса, въ Сиракузы, Гермократь повелъ политику на свой страхъ. Сблизившись съ персами, онъ получилъ отъ Фарнабаза субсидію. Въ Сицилію онъ прибылъ вскорѣ послѣ паденія Гимеры и сталъ на восточныя деньги вербовать наемниковъ; къ нему пристали между прочимъ 1.000 лишенныхъ крова гражданъ Гимеры. Съ этими силами Гермократь повелъ самостоятельную войну противъ карѳагенянъ и началъ съ возстановленія укрѣпленій Селинунта; чтобы вернуть себѣ расположеніе согражданъ, онъ отправилъ въ Сиракузы тѣла погибшихъ подъ Гимерой ополченцевъ, оставшихся непогребенными. Наконецъ, горя нетерпѣливымъ желаніемъ водвориться въ родномъ городѣ, Гермократь двинулся со своими наемниками къ воротамъ Сиракузъ; онъ самъ спѣшилъ въ передовой кучкѣ, но встрѣченный своими противниками, демократами, погибъ у входа въ городъ. Оставшихся въ живыхъ его единомышленниковъ народъ подвергъ изгнанію въ качествѣ пособниковъ тиранна. Только одинъ изъ друзей Гермократа, Діонисій, не подошелъ подъ это постановленіе, потому что его считали убитымъ. Но Діонисій оправился отъ ранъ и ко времени паденія Акраганта выступилъ въ народномъ собраніи съ рѣзкими обвиненіями противъ стратеговъ. То, что произошло далѣе, рисуетъ намъ порядки сиракузской демократіи, гораздо менѣе устойчивой и послѣдовательной, чѣмъ была аѳинская.

Діонисій настаивалъ на измѣнѣ командировъ, продавшихся Карѳагену и виновныхъ въ паденіи Акраганта; онъ требовалъ немедленнаго наказанія ихъ, не дожидаясь обычнаго срока, положеннаго для производства слѣдствія. За такой призывъ гражданъ къ нарушенію закона предсѣдатель собранія приговорилъ Діонисія уплатить штрафъ. Но возстановить порядокъ въ экклеіи не удалось: поднялся богатый Филистъ и объявилъ, что заплатитъ какъ за Діонисія, такъ и за всѣхъ другихъ, кто въ данный день подвергнется штрафу. Власти не нашлись, какъ выйти изъ затрудненія, и Діонисій продолжалъ безпрепятственно свои обвиненія. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе онъ бралъ демагогическій тонъ, отклоняясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ партіи, къ которой до сихъ

поръ принадлежалъ: по его мнѣнію, нечего болѣе выбирать страте- говъ изъ числа богатыхъ и вліятельныхъ гражданъ, надо искать ко- мандировъ среди истинныхъ демократовъ, хотя бы и бѣдныхъ людей. Его рѣчь имѣла громаднй успѣхъ. Народъ рѣшилъ смѣстить страте- говъ и выбралъ новыхъ, среди нихъ самого Діонисія, хотя ему было всего 25 лѣтъ. Продолжая свою популярную роль, Діонисій добился у народа амнистіи всѣхъ политическихъ изгнанниковъ; это былъ искус- ный шагъ, такъ какъ въ лицѣ эмигрантовъ въ городъ приливали без- покойные элементы, готовые на всякій переворотъ. Въ качествѣ стра- тега Діонисій держался поодаль отъ коллегъ, дѣлая попрежнему видъ, что онъ самъ единственный вѣрный другъ народа, остальные же по- дозрительны. Въ Гелъ, куда его отправили съ подкрѣпленіями для за- щиты города отъ кареагенянъ, Діонисій произвелъ соціальную револю- цію: онъ обвинилъ гелойскую аристократію въ измѣнѣ и потребовалъ немедленнаго осужденія и смерти богатыхъ людей. Конфискованныя имущества аристократовъ пошли на раздачи гелойскому демосу, но часть богатствъ удержалъ Діонисій и употребилъ на уплату усиленнаго жа- лованья наемникамъ, въ томъ числѣ кампанцамъ изъ южной Италиі.

Демагогія Діонисія отличалась быстротой и рѣшительностью: онъ объ- являлъ себя защитникомъ бѣдныхъ и вождемъ соціальной революціи; подъ Гелой онъ беззастѣнчиво отстранилъ своего коллегу Дексиппа, позвалъ его солдатъ и выплатилъ имъ вознагражденіе изъ добычи отъ рѣзни гелойскаго гражданства. Воинство и бѣднота были завоеваны въ его пользу. Совсе не занятый войной съ кареагенянами, Діонисій поспѣшилъ назадъ въ Сиракузы. Здѣсь въ народномъ собраніи онъ выступилъ съ новыми обвиненіями противъ своихъ коллегъ: въ то время, какъ кареагеняне готовятъ страшное нападеніе на Сиракузы, стратеги, по его словамъ, ничего не дѣлають; они забирають казенныя суммы и оставляють солдатъ безъ вознагражденія; самъ онъ не же- лаетъ быть въ коллегіи, состоящей изъ измѣнниковъ, и слагаетъ долж- ность. На другой день сторонники Діонисія воспользовались паникой, охватившей народъ, и предложили назначить его верховнымъ и един- ственнымъ стратегомъ всѣхъ сиракузскихъ силъ (406 г.)³⁴. Если мы видимъ, что избраніе одного стратега-автократора практиковалось не разъ въ Аѳинахъ и не вело къ тиранніи, то въ Сиракузахъ, при сла- бости демократіи, появленіе Діонисія въ роли главнокомандующаго съ неограниченными полномочіями, оказалось катастрофой народнаго пра- вленія. Демократія рушилась подъ напоромъ многочисленныхъ, без- покойныхъ, не гражданскихъ элементовъ, еозданныхъ непрерывно-во- еннымъ положеніемъ; она какъ бы торжественно капитулировала передъ ихъ умѣлымъ организаторомъ и вождемъ.

Начало тиранні Діонисія. Первыя самостоятельныя дѣйствія Діонисія подѣ Гелой и Камариной были неудачны; онъ вынужденъ былъ сдать эти города кареагенянамъ одинъ за другимъ. Перевозъ гражданъ Гелы и Камарины, о которомъ уже было сказано выше, состоялся по его распоряженію: тирантъ рассчитывалъ приобрести новый составъ обязанныхъ ему клиентовъ. Капитуляція двухъ большихъ городовъ и приближеніе врага къ Сиракузамъ вызвали большое раздраженіе сиракузянъ противъ Діонисія; подвѣлились всадники и зажиточные, та самая партія, къ которой онъ принадлежалъ раньше. Мятежники пытались окружить тиранна тамъ же, гдѣ за три года до того нашель смерть Гермократъ и тяжело раненый лежалъ среди труповъ самъ Діонисій. Но у тиранна были теперь лучшіе защитники, чѣмъ у его предшественника; за него постояли наемники, перебившіе сиракузскихъ всадниковъ; Діонисій произвелъ ночью обыскъ по всѣмъ домамъ и выслалъ множество гражданъ, которыхъ считалъ подозрительными. Онъ рѣшилъ послѣ этого укрѣпиться со своей стражей и наемниками на островѣ Ортигii, лежавшемъ въ серединѣ сиракузской гавани и соединенномъ съ городомъ узкимъ моломъ. На сторонѣ, обращенной къ сушѣ, онъ укрѣпилъ островъ высокой стѣной и башнями, позади которыхъ расположились склады оружія, магазины съ провіантомъ и казармы для наемниковъ; все мѣстное населеніе было удалено съ Ортигii. Для того, чтобъ привязать къ себѣ солдатъ еще болѣе, Діонисій отобралъ земли у зажиточныхъ владѣльцевъ и нарѣзалъ изъ нихъ военные надѣлы; это былъ тотъ самый γῆς ἀναδασμὸς, черный передѣлъ, который стоялъ въ программѣ революціонныхъ пролетаріевъ; но земля досталась не тѣмъ, кто на ней работаль, не батракамъ, которые составляли бывшее мѣстное крестьянство, а пришлымъ, частью негреческимъ элементамъ.

Черезъ годъ зажиточные и средніе классы сиракузскаго гражданства вновь возстали противъ тиранна и осадили его въ укрѣпленномъ замкѣ Ортигii. Они назначили высокую плату за голову Діонисія и пытались переманить на свою сторону его наемниковъ. Тирантъ нашель спасеніе все въ томъ же элементѣ пришлыхъ бродячихъ людей; чтобъ увеличить свою воинскую силу, Діонисій переманилъ къ себѣ часть кампанцевъ, составлявшихъ ближнюю военную колонію Кареагена. Послѣ того, какъ наемники разсѣяли возстаніе, Діонисій выдалъ кампанцамъ богатое вознагражденіе: они ушли на западъ, вырѣзали мужское населеніе города Энтеллы, захватили себѣ женщинъ и засѣли колоніей на новомъ мѣстѣ. Занятый укрѣпленіемъ своей власти, Діонисій не имѣлъ достаточныхъ силъ для продолженія борьбы съ кареагенянами. Въ свою очередь кареагенское войско, надвигавшееся къ Сиракузамъ, жестоко пострадало отъ чумы. Обѣ стороны готовы были заключить

миръ. Трактатъ 404 г. представляетъ моментъ наибольшаго расширенія карфагенскаго господства надъ Сициліей; онъ открываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ задачи африканской политики на островѣ. Согласно его условіямъ, вся западная половина Сициліи и большая часть южнаго берега отходятъ къ Карфагену. Изъ двухъ туземныхъ народностей сиканы остаются въ сферѣ вліянія карфагенянъ, сикеллоты восточной половины, т.-е. сосѣди Сиракузъ, объявляются свободными. Всѣ жители Селинунта, Гимеры, Акраганта, Гелы и Камарины получаютъ право вернуться на свои мѣста, но съ обязательствомъ не возводить укрѣпленій и уплачивать подать Карфагену. Наконецъ, на восточномъ побережьи, единственномъ, которое осталось въ рукахъ грековъ, Леонтины и Мессана объявлены свободными, Сиракузы признаются за Діонисіемъ. Мирный договоръ былъ заключенъ помимо сиракузскаго гражданства; силою его Діонисій какъ бы получилъ отъ Карфагена признаніе своей власти.

Политика, которую въ ближайшіе за миромъ годы ведетъ Діонисій въ предоставленной ему восточной части острова, чрезвычайно характерна. Тиранинъ послѣдовательно уничтожаетъ греческія автономныя общины. Наксось взятъ измѣной, его стѣны и дома разрушены, населеніе обращено въ рабство; городъ съ этихъ поръ не существуетъ болѣе. Гражданство Катаны подверглось той же участи, но строенія остались; Діонисій поселилъ здѣсь драгоцѣнныхъ для него наемниковъ-кампанцевъ. Отъ населенія Леонтинъ Діонисій потребовалъ покорности: жители должны были перебраться въ Сиракузы, т.-е., иными словами, ихъ корпоративности и автономіи пришелъ конецъ; въ городѣ была поселена колонія ветерановъ. Иначе держался Діонисій въ отношеніи сикеллотовъ, довольствуясь признаніемъ съ ихъ стороны его верховенства; города оставались нетронутыми, видимо, ихъ политическій бытъ отличался гораздо большей инертностью, чѣмъ у грековъ. Сиракузскій тиранинъ повторилъ съ общинами восточнаго побережья то самое, что виѣшній врагъ, карфагеняне, сдѣлали съ городами южнаго берега; военная централизація активно dokonчила то упраздненіе греческихъ автономныхъ кантоновъ на островѣ, которое пассивно началось подъ давленіемъ иноземнаго нашествія. Все идетъ на пользу Сиракузъ: «Діонисій,—говорится очень удачно у Платона,—съ великимъ искусствомъ собралъ въ одномъ городѣ всю Сицилію». Но ростъ этого единственнаго города также скорѣе представляется болѣзненнымъ раздутіемъ, чѣмъ торжествомъ внутренней силы.

Укрѣпивши свое господство надъ восточной половиной острова, Діонисій сталъ готовиться къ войнѣ съ Карфагеномъ. Справедливо учитывая возможность новаго нападенія на Сиракузы, онъ началъ съ обширныхъ

работъ для защиты города. Въ 414 году аеиняне чуть не взяли Сиракузы благодаря тому, что могли укрѣпиться на высотахъ западной части города, называвшейся Эпиполы; Діонисій рѣшилъ возвести стѣну на самихъ высотахъ и включить предмѣстье въ составъ огромной общесиракузской крѣпости. Раздвигая городскія укрѣпленія, онъ какъ бы выполнялъ въ широкомъ размѣрѣ стратегическую идеюThemistocles и Перикла, соединившихъ Аеины съ Пиреемъ въ большую общую крѣпость. Военная задача, однако, совпадала у Діонисія съ его внутренней политикой: неприступная колоссальная крѣпость Сиракузы съ цитаделью Ортигіей нужны были тиранну, какъ оплотъ, въ которомъ, опираясь на свою наемную армію, онъ могъ защищаться отъ гражданства, отъ независимыхъ элементовъ греческаго колоніальнаго міра.

Сѣверная часть стѣны была возведена съ какой-то эффектной успешностью: Діонисій нагналъ до 60.000 рабочихъ, преимущественно сиракузскихъ свободныхъ пролетаріевъ, перевезъ на 6.000 повозокъ матеріалъ изъ каменоломень, распредѣлил между группами каменщиковъ участки и заставилъ всѣ группы рабочихъ строить одновременно; вся стѣна, говорятъ, была готова въ 20 дней. Картина эта даетъ известное понятіе о ресурсахъ Діонисія, которые были очень велики благодаря контрибуціямъ съ городовъ и конфискаціямъ съ мѣстныхъ гражданъ, а также о большомъ количествѣ безработныхъ, составившемся изъ бѣженцевъ, согнанныхъ съ земли и т. п. Обиліе пролетаріата создавало возможность работъ, небывалыхъ по своимъ размѣрамъ: Діонисій сталъ строить громаднѣйшій флотъ, впервые пустилъ въ ходъ высокія пентеры, судна съ пятью этажами гребцовъ; затѣмъ открылъ заводы по изготовленію оружія. При составленіи арміи техниковъ и рабочихъ Діонисій не разбиралъ національностей; у него служили инженеры съ разныхъ концовъ Греціи и даже были мастера, выписанные изъ Карфагена. Подъ вліяніемъ карфагенскихъ усовершенствованій, сиракузскій тираннъ сдѣлался реформаторомъ военнаго дѣла: ему приписываютъ изобрѣтеніе катапульты, дальнобойнаго метательнаго орудія. Наконецъ, для веденія войны въ новыхъ крупнѣйшихъ размѣрахъ очень важна была постановка продовольственнаго дѣла, и съ этой стороны также Діонисій успѣлъ много сдѣлать въ смыслѣ постройки большихъ складовъ, организаціи подвоза питанія и подготовки большого транспортнаго флота.

Образованіе сицилійской монархіи. Война, начатая Діонисіемъ въ 399 году противъ карфагенянъ, отличалась размахомъ, до тѣхъ поръ невиданнымъ въ предѣлахъ греческаго міра. Тираннъ рассчитывалъ, по видимому, на полное вытѣсненіе карфагенянъ съ острова, чтобъ командовать на окружающихъ моряхъ и монополизировать всю торговлю Сициліи. Война была отчасти продиктована соображеніями внутренней

политики, необходимо отвлечь въ сторону вниманіе сиракузскихъ и другихъ грековъ, недовольныхъ правленіемъ Діонисія; въ этой подвижной средѣ, не успѣвшей помириться съ лишеніемъ автономіи, кипѣло и бурлило; многіе готовы были лучше эмигрировать на кареагенскую территорію, чѣмъ подчиняться порядкамъ военной диктатуры. Съ другой стороны, нельзя было долго держать безъ занятія и безъ добычи громадную наемную армію, которую Діонисій собралъ подъ Сиракузами.

Кампанія началась удачно для Діонисія: онъ отвоевалъ всю половину острова и взялъ штурмомъ лучшую крѣпость кареагенянъ, Мотию; захвативъ здѣсь грековъ, находившихся на кареагенской службѣ, Діонисій, самъ равнодушный въ національномъ вопросѣ, рѣшилъ, ради популярности, подвергнуть плѣнниковъ жестокой казни за измѣну родной странѣ, а казнь состояла въ переятомъ у кареагенянъ распятіи на крестѣ. Кареагенъ, однако, далеко не сдалъ своихъ позицій въ Сициліи. По обыкновенію торговая республика долго готовилась къ походу, и, наконецъ, на островѣ появился Гимильконъ съ силами, значительно превышавшими армію и флотъ Діонисія (396 г.). Гимильконъ двинулся на этотъ разъ сѣвернымъ берегомъ Сициліи; въ виду дурного состоянія сухопутныхъ дорогъ на островѣ, флотъ долженъ былъ слѣдовать за войскомъ и снабжать его провіантомъ, такъ же, какъ это происходило въ походѣ Ксеркса. Діонисій отступилъ къ востоку на защиту Сиракузъ. Кареагеняне взяли Мессану у пролива, отдѣляющаго Сицилію отъ Италіи, обогнули сѣверо-восточную оконечность острова, разбили флотъ Діонисія противъ вулкана Этны и осадили его самого въ Сиракузахъ. Въ городѣ подняла голову оппозиція, которая винила тиранна во всѣхъ неудачахъ. Коринеяне поддерживали республиканцевъ, тогда какъ Спарта, подружившаяся съ Діонисіемъ благодаря Лисандру, стала на сторону тиранна. Спартанцы прислали ему на помощь эскадру и позволили наберовать наемниковъ въ Пелопоннесѣ. Между тѣмъ въ кареагенскомъ лагерѣ началась опустошительная чума. Діонисій воспользовался паникой врага, уничтожилъ его флотъ и вынудилъ къ отступленію сухопутное войско. Въ сущности, онъ могъ бы также истребить кареагенскую армію, какъ это сдѣлали Гилиппъ и сиракузяне въ 413 году съ афинянами, но предпочелъ не доводить дѣло до крайности: кареагенскимъ гражданамъ была дана возможность бѣжать, лучшихъ изъ вражескихъ наемниковъ, иберовъ, Діонисій переманилъ на свою службу. Діонисій удержался отъ полного истребленія кареагенянъ, чтобы не называть себя непримиримаго врага; изгнать ихъ съ острова представлялось неосуществимой задачей, а зато всякая неудача въ борьбѣ съ ними грозила новымъ возмущеніемъ въ Сиракузахъ. Практич-

нѣе казалось раздѣлить съ ними сферу вліянія, заняться укрѣпленіемъ своей власти въ центрѣ и распространеніемъ вліянія въ восточныхъ водахъ.

Въ 392 году Каррагенъ заключилъ миръ съ Діонисіемъ и призналъ его власть надъ большей частью Сициліи, уступивъ Гимеру на сѣверѣ и весь южный берегъ съ Камариной, Гелой, Акрагантъ и Селинунтомъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, на какихъ условіяхъ были восстановлены греческіе города; можно быть увѣреннымъ, что Діонисій не далъ имъ автономіи; бывшія общины стали теперь административными долями Сиракузъ, въ свою очередь изъ республики превратившихся въ монархію. Всѣ свои силы, освободившіяся на западѣ, Діонисій перенесъ теперь на востокъ, на покореніе южно-италійскихъ греческихъ городовъ. Здѣсь опять такъ же, какъ въ вопросѣ объ укрѣпленіи Сиракузъ, какъ въ примиреніи съ Каррагеномъ, задачи внутренней политики у Діонисія сплетались съ вѣшними. Въ общинахъ южной Италиі, особенно въ Регіи, у самага пролива противъ сицилійской Мессаны, собралась сиракузская оппозиція: сокрушить эмигрантовъ Діонисію нужно было для того, чтобъ чувствовать себя безопаснымъ въ своей столицѣ; съ другой стороны, только ихъ уничтоженіе открывало пути вліянія на берегахъ Италиі. Регій и соединенный съ нимъ Кротонъ были сильными общинами, и Діонисій совладалъ съ греческими республиками опять лишь при помощи иноплеменниковъ. Онъ привлекъ на свою службу воинственныхъ лукановъ, сосѣдей южно-италійскихъ греческихъ городовъ, захватилъ рядъ опорныхъ пунктовъ на берегу моря и заставилъ Регій капитулировать и выдать свой флотъ. Вся южная оконечность Италиі (нынѣшняя Калабрія) перешла въ руки Діонисія. Моментъ его наибольшаго успѣха приходится на 387 годъ и совпадаетъ съ торжествомъ Спарты, его неизмѣннаго союзника, въ греческой метрополи; въ свою очередь, какъ мы видѣли, благоприятнымъ оборотомъ дѣлъ при заключеніи царскаго мира Спарта была въ значительной мѣрѣ обязана сиракузскому тиранну.

Послѣдующія двадцать лѣтъ до смерти Діонисія въ 367 году внесли немного измѣненій въ территоріальный составъ его державы; не измѣнился до конца и характеръ его политики. Была новая война съ Каррагеномъ, и Діонисію пришлось уступить Селинунтъ. Зато онъ расширилъ свои предпріятія въ Италиі, посылая экспедиціи въ Адриатическое и въ Тирренское море, къ устью По и къ Этруріи. Не разъ вмѣшивался Діонисій въ дѣла метрополи, всегда принимая сторону Спарты и не безъ расчета утвердиться на западномъ берегу Греціи, въ Эпирѣ и на островахъ Коркирѣ и Закинѣ.

Финансы и администрація Діонисія. Новѣйшіе поклонники объеди-

нительной политики сиракузскаго тиранна воображаютъ, что завоеванія принесли благосостояніе странѣ, подняли ея производство и расширили торговлю. Интересно, однако, присмотрѣться къ характеру предпріятій Діонисія, особенно у италійскихъ береговъ; они позволяютъ видѣть, что тираннъ мало думалъ о выгодахъ экономическаго расширенія Сициліи. Мы все слышимъ о томъ, что его эскадры производятъ грандіозные грабежи, особенно захватываютъ храмовыя сокровища. Діонисій—необычайный мастеръ обирать боговъ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ, сопровождая свои захваты казарменными шутками въ родѣ того, что у Зевса надо снять золотой плащъ, въ которомъ зимой холодно, а лѣтомъ жарко, и замѣнить шерстянымъ, и т. п. Между прочимъ Діонисій принялъ участіе въ набѣгѣ эпіротскаго царька на Додону, рассчитывая получить долю отъ грабежа стариннѣйшаго въ Греціи богатаго храма додонскаго Зевея. Мы получаемъ впечатлѣніе, что цѣлью Діонисія вовсе не было созданіе большой торговой державы наподобіе Перикловыхъ Аѳинъ или современнаго ему Кареагена. Въ дальнихъ морскихъ экспедиціяхъ у береговъ Италіи и западной Греціи дѣло шло не о пріобрѣтеніи опорныхъ пунктовъ для обмѣна; скорѣе операціи Діонисія напоминали политику Рима въ эпоху пуническихъ войнъ. Сицилійская держава была и осталась чисто-военнымъ государствомъ, большимъ лагеремъ наемниковъ. Все вниманіе ихъ организатора было направлено на то, чтобъ постоянно имѣть въ казніѣ свободную наличность для раздачь. Отсюда пріемы внутренне-финансовой политики, недалеко ушедшіе отъ системы внѣшнихъ грабежей. Аристотель сообщаетъ, что налоги на имущество въ государствѣ Діонисія могли исчерпать капиталъ въ 5 лѣтъ, т.-е. равнялись 20 процентамъ³⁵. Надо, конечно, предполагать, что извѣстіе это или крайне преувеличено, или относится къ какому-нибудь чрезвычайному налогу, такъ какъ ежегодно грабить населеніе въ буквальномъ смыслѣ слова было бы очень нерасчетливо. Но свѣдѣніе Аристотеля все-таки важно, потому что указываетъ на крайнюю напряженность налоговой системы у Діонисія. Разказы о его финансовыхъ фокусахъ, при всей ихъ анекдотичности, также имѣютъ цѣну: очевидно, Діонисій былъ неистощимъ по части всякаго рода вымогательствъ, штрафовъ, принудительныхъ займовъ, внезапныхъ аукціоновъ и т. д.

Весьма правдоподобно, что Діонисію принадлежитъ также организациія взиманія податей и пошлинъ посредствомъ ихъ сдачи на откупъ большимъ компаніямъ ростовщиковъ. Эту форму мы встрѣчаемъ потомъ въ Сициліи, когда она сдѣлалась римскою провинціей; римляне, повидимому, нашли ее настолько превосходной, что оставили откупа въ рукахъ мѣстныхъ банкирскихъ обществъ; съ большой вѣроятностью

можно сказать, что именно по сицилійскому образцу они организовали потомъ сборъ налоговъ у себя въ Италіи и въ другихъ провинціяхъ. Да и дѣйствительно откупная система чрезвычайно подходила къ общему характеру импровизированнаго военнаго государства, организаторамъ котораго не было времени заниматься устройствомъ гражданской бюрократіи. Являясь новаторомъ въ дѣлѣ финансовъ на греческой почвѣ, Діонисій вовсе не былъ изобрѣтателемъ новыхъ формъ. Система откуповъ существовала въ большихъ военныхъ государствахъ Передней Азіи; переходя на западъ, она должна была миновать кантональную, автономную Грецію; при первомъ же принудительномъ объединеніи въ широкихъ размѣрахъ, театромъ котораго была Сицилія, она опять вступила въ силу. Діонисій—ея піонеръ на западѣ и посредникъ въ передачѣ откуповъ римскому военному государству.

Допустима еще одна догадка. Въ Римѣ съ появленіемъ императорства немедленно устанавливается форма большихъ доменовъ, личныхъ земельныхъ владѣній государя и его родственниковъ; эта система династическихъ, прибрѣтеній и округленій развивается съ какой-то настойчивостью и увѣренностью, заставляющей подозрѣвать въ ней давно выработанный порядокъ, перешедшій изъ среды, гдѣ монархія уже раньше была связана съ подобными учреждениями. Многое говоритъ въ пользу того, что и въ этомъ отношеніи сицилійское императорство (по-гречески архонтство) Діонисія подготовило пути римскимъ династіямъ. Тиранинъ не ограничился устройствомъ большой центральной кассы, находившейся въ его безконтрольномъ пользованіи; онъ старался обезпечить себя и свое родство большими латифундіями, разработка которыхъ была связана съ примѣненіемъ значительныхъ группъ рабочихъ, свободныхъ и невольниковъ. Между прочимъ бросается въ глаза тотъ фактъ, что Діонисій, среди своихъ причудъ, рѣшилъ завести себѣ двухъ женъ; можетъ быть, и въ этомъ султанскомъ капризѣ заключалась доля политики, поскольку браки помогали увеличить количество родственниковъ, а чрезъ нихъ расширить область домена, находившагося въ личномъ пользованіи тиранна. Если догадка наша правдива, получается своеобразная социальная картина: диктаторъ, со-вершающій черный передѣлъ земель и благодаря этому вдохновившій школу греческихъ теоретиковъ коммунизма, въ ходѣ вещей сталъ самымъ крупнѣйшимъ земельнымъ магнатомъ и возстановилъ для своей династіи тотъ самый порядокъ, разрушеніемъ котораго онъ напиталъ свое пролетарское и иноплеменное войнство.

Трудно нарисовать ту степень разгрома и приниженія общественной жизни, которая получилась въ результатѣ военно-бюрократическаго управления Діонисія. Съ уничтоженіемъ народныхъ собраній и засѣданій

Большого совѣта, неминуемо должно было придти въ упадокъ политическое краснорѣчіе, а вмѣстѣ съ этимъ закрылись когда-то знаменитыя сицилійскія риторскія школы. Свободной литературѣ не было больше мѣста въ Сиракузахъ; за какое-нибудь неосторожное выраженіе, задѣвшее властителя, поэтъ рисковалъ попасть на каторгу въ каменоломни. Тиранны стянули болѣе податливыя писательскія силы къ своему двору, держалъ историографа, составителя одъ и т. д.; гости должны были выслушивать и хвалить бездарнѣйшія произведенія его собственнаго творчества. Для того, чтобы слѣдить за общественнымъ настроеніемъ громаднаго города, Діонисій завелъ обширное шпионство, среди котораго видное мѣсто занимали агенты женскаго пола (*ποταγούιδες*).

Тираниія Діонисія и общественное мнѣніе въ Греціи. Военная держава, основанная Діонисіемъ, составляла фактъ крупнѣйшей важности и для греческой метрополіи. Прежде всего въ прямомъ смыслѣ, поскольку Діонисій вмѣшивался въ дѣла на востокѣ, помогалъ реакціоннымъ силамъ въ европейской Греціи, поддерживалъ черезъ Спарту греческое раздробленіе. Если Аѣинамъ не удалось возстановить прежнюю морскую державу, несмотря на героическія усилія своихъ ветерановъ, Конона и Орасибула, то одной изъ главныхъ причинъ надо считать политику Діонисія. Но и въ теоретическомъ отношеніи, въ качествѣ примѣра, успѣхи сиракузскаго тиранна чрезвычайно волновали общественное мнѣніе Греціи.

Взгляды и чувства республиканскихъ круговъ Греціи выразилъ аѣнскій ораторъ Лисій въ рѣчи, составленной для Олимпійскаго праздника (можетъ быть, въ 388 г. до заключенія Анталкидова мира, судя по тому, что авторъ находитъ возможнымъ обратиться съ патриотическимъ призывомъ къ Спартѣ). Лисій, самъ сиракузянинъ по происхожденію, оплакиваетъ гибель свободы въ одной изъ важнѣйшихъ греческихъ общинъ. Онъ обращаетъ вниманіе слушателей своихъ на опасные успѣхи двухъ деспотовъ, царя персидскаго и тиранна сиракузскаго, которые готовятъ съ двухъ концовъ поработеніе греческаго міра. Первый подчинилъ себѣ много греческихъ городовъ, второй также много ихъ опустошилъ. «Почему вы, эллины, не слѣдуете примѣру своихъ предковъ, которые одолѣли варвара, вторгавшагося къ нимъ, и изгнали изъ своей страны тиранновъ? Особенно дивлюсь я вамъ, лакедемоняне, что, будучи вождями Греціи, вы позволяете пожару разрушать общую родину. Вы должны положить конецъ произволу царя и тиранна, чтобъ не дошелъ вслѣдъ за другими и до насъ чередъ и мы не стали ихъ добычей». Лисій предлагалъ народу, собравшемуся въ Олимпіи, сорвать великолѣпные золототканые шатры, которые были выставлены Діонисіемъ на праздникъ, и руководители игръ съ трудомъ удержали толпу отъ

такого разгрома. Лисій предлагаль, кромѣ того, не допускать лошадей и повозки безбожнаго тиранна къ состязанію въ бѣгахъ и къ наградѣ, но и здѣсь не имѣль успѣха. Діонисію, впрочемъ, на этотъ разъ судьба показала свою пронию. Его блестящія повозки, запряженныя лучшими конями, въ бѣгѣ разбились другъ о друга, и онъ не получилъ приза; заодно къ несчастью потерпѣла кораблекрушеніе праздничная тріера, которая везла обратно Діонисіеву миссію изъ-подъ Олимпіи. Греческое остроуміе нашло себѣ удовлетвореніе въ шуткѣ, будто бы сказанной спасшимися изъ воды моряками: во всемъ виноваты плохіе стихи тиранна, объ его поэмы расшиблось не только искусство рапсодовъ, но и повозки и корабль.

Впрочемъ, одна часть греческой интеллигенціи, напротивъ, жадно устремилась ко двору Діонисія, и это были именно сократовцы, отвергавшіе республиканскія формы Греціи. При Діонисіи проживаль Аристиппъ, великосвѣтскій философъ, космополитъ, считавшій своей спеціальностью «наблюденіе людей и нравовъ» и за гостепрѣимство тиранна готовый стерпѣть издѣвательство его шутовъ, однажды окатившихъ мудраго наблюдателя холодной водой. Затѣмъ ко двору Діонисія съ необыкновенной настойчивостью стремился другой ученикъ Сократа, считавшій себя самымъ правовѣрнымъ въ этой школѣ, Платонъ.

О поѣздкѣ Платона въ Сиракузы (повторенной потомъ при преемникахъ тиранна, его сынѣ Діонисіи II и зятѣ Діонѣ), есть собственное свидѣтельство Платона въ его «Письмахъ». Эти письма составлены философомъ въ глубокой старости, приблизительно 30 лѣтъ спустя послѣ перваго визита въ Сиракузы, относящагося, можетъ быть, къ 387 или 386 г.; въ нихъ отражаются мотивы втораго пребыванія при сиракузскомъ дворѣ, когда Платонъ могъ говорить свободнѣе съ менѣе страшными, чѣмъ Діонисій, наслѣдниками его и защищать передъ ними права греческой національности въ Сициліи, предлагать восстановленіе старыхъ эллинскихъ общинъ на мѣстѣ инородческихъ военныхъ колоній ³⁶; едва ли философъ рѣшился бы предложить такую программу самому великому тиранну, да еще въ моментъ наибольшаго развитія его военно-наемнической системы. У Платона въ болѣе ранніе годы была нѣкоторая наклонность къ коммунистическимъ идеямъ: онъ еще чувствуются въ его крупнѣйшемъ произведеніи, въ книгѣ «О государствѣ». Коммунизмъ Платона во всякомъ случаѣ былъ не республиканскій; предполагалось, что справедливыя формы равенства и взаимной солидарности введеть авторитарная «мудрая» власть, вдохновляемая философійю, т.-е. направленная интеллигенціей. Весьма правдоподобно, что философъ, не допускавшій возможности для человѣка порядочнаго (*καλὸς καγαθός*) участвовать въ жалкихъ дѣлишкахъ греческихъ

республикѣ, считалъ вполне подходящимъ соединиться съ тѣмъ монархомъ, который рѣзко разбилъ старый несправедливый общественный строй и проводилъ государственный коммунизмъ путемъ своихъ грандіозныхъ земельныхъ раздачъ. Какую же роль предназначалъ себѣ Платонъ и какъ понимать высокопарныя фразы о томъ, что онъ пытался направить тиранна на путь добродѣтели? Вѣроятно, онъ надѣялся быть ученымъ секретаремъ при монархѣ, къ которому его такъ привлекалъ широкій размахъ предпріятій и организацій. Платонъ охотно сталъ бы составлять торжественныя воззванія, возвышенныя манифесты, въ которыхъ онъ готовъ былъ объяснять широкой публикѣ идейный смыслъ общественнаго переворота, совершеннаго ко благу массъ «царственнымъ мужемъ» (*ἀνὴρ βασιλικός*).

Встрѣтившіеся въ 387 г. два дѣятеля были оба очень умные люди, каждый въ своей сферѣ, но слишкомъ разнаго темперамента; для совмѣстной работы они не годились. Діонисию Платонъ былъ во всякомъ случаѣ не нуженъ; недоувѣрчивый къ людямъ, циникъ, часто окруженный очень подозрительной компаніей, тираннъ съ презрѣніемъ относился къ благозвучнымъ теоріямъ ученаго аристократа и вдобавокъ очень не взлюбилъ его высокомерную манеру. Діонисій велѣлъ выслать философа изъ своей столицы и со свойственнымъ ему сарказмомъ поручилъ продать въ рабство очень много возмившаго о себѣ философа.

¹ Ксен. Воспом. II, 7. ² Тамъ же IV, 2, 37. ³ Ксен. Греч. ист. II, 3, 8—9. ⁴ Лисій, рѣчь противъ Агората (обвинителя демократическихъ стратеговъ) § 55 и слѣд. ⁵ Ксен. Греч. ист. II, 3, 16. ⁶ Тамъ же 24. ⁷ Аристот. А. пол. 38. ⁸ Объ основныхъ законахъ 403 года мы случайно знаемъ изъ рѣчи Андокида *περὶ πόλεως* §§ 82—87, которая произнесена ораторомъ, обвинявшимся въ 415 г. по дѣлу гермокопидовъ и затѣмъ бѣжавшимъ изъ Аѳинъ, въ 399 году. У Аристотеля (А. пол. 34—40) очень подробный рассказъ о событіяхъ 404—3 гг., но вовсе не упомянуто о замѣчательномъ законодательствѣ реставрированной демократіи. ⁹ Ксен. Греч. ист. III, 1, 4. ¹⁰ Ксен. Воспом. I, 2, 48. ¹¹ Тамъ же II, 6, 24. Все разговоры II части Воспоминаній представляють большой интересъ для характеристики дѣятельности Сократа по устройству частныхъ кружковъ и пропагандѣ сектантскихъ идей. ¹² Тамъ же II, 1. ¹³ Тамъ же 9. ¹⁴ Тамъ же 6. ¹⁵ Тамъ же 9. ¹⁶ Тамъ же 5. ¹⁷ Анабаз. III, 1. ¹⁸ Ксен. Восп. III, 5. ¹⁹ Плут. Сол. 20. ²⁰ Платонъ Апологія 31 СД. ²¹ Ксен. Восп. IV, 4. ²² Кс. Греч. ист. III, 1. ²³ Тамъ же III, 3, 11. ²⁴ Holm, Griech. Gesch. 1891, III, 54. ²⁵ Ксен. Греч. ист. IV, 4. ²⁶ Аристоф. Женщины въ экклесіи 565—600. ²⁷ Схолія къ Аристоф. Женц. въ эккл. 102. ²⁸ Ксен. Греч. ист. IV, 8. ²⁹ Тамъ же V, 1. ³⁰ Тамъ же V, 2, 7. ³¹ Тамъ же V, 2, 35. ³² Оук. VIII, 96. ³³ Діодоръ XI, 87 о петализмѣ, XIII, 34—35 о демократическомъ законодательствѣ Діокла, введенномъ послѣ отраженія аѳинянъ. ³⁴ Діод. XIII, 91. ³⁵ Аристот. Политика V, 9, 5. ³⁶ Платонъ Письма III 315E и 319C.